

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378. 662(091)(571.17)

Л. В. ЛИПУНОВА

Новокузнецкий филиал-институт
Кемеровского государственного
университета

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ КУЗБАССА

Высшее образование представляет собой сложную систему, для формирования которой — даже в рамках отдельного региона — требуется наличие совокупности предпосылок и причин, определяющих как саму возможность существования данной системы, так и некоторые черты, которые могут характеризовать ее облик в дальнейшем. В данной работе проведен анализ процесса становления структур высшего инженерно-технического образования в Кузбассе.

В истории советского общества вопросы подготовки инженерных кадров были актуальны всегда. В довоенные годы острота проблемы была связана с форсированной индустриализацией и необходимостью обеспечения технически грамотного руководства большим числом новых и действовавших еще со времен царской России промышленных предприятий, поскольку большинство представителей старой технической интеллигенции были отстранены от управления производством.

Накануне первой пятилетки в связи с возросшими потребностями народного хозяйства в нашей стране обострилась проблема кадров. Очень остро она стояла в Кузбассе. Здесь был большой недостаток инженеров и других специалистов. Инженерно-технические работники составляли лишь 0,36 % к общему числу рабочих бассейна [1].

Формирование Кузбасского индустриального комплекса явилось составной частью индустриализации СССР, провозглашенной на XIV съезде ВКП(б)

(декабрь 1925 г.) «делом всего народа». В планах советских руководителей угольной промышленности Кузбасса отводилось значительное место. Кузбасс был краем огромных сырьевых ресурсов. Главную ценность в середине 1920-х годов представлял кузнецкий уголь, которым снабжалась почти вся зауральская часть Транссибирской магистрали, уголь, коксующиеся марки которого могла использовать металлургическая промышленность Урала (железородные месторождения на юге Кузбасса тогда еще не были учтены). Уголь Кузбасса, железная руда Урала стали основными составляющими кооперации двух регионов, осуществлявшейся в 1920 — 1930-е годы. Коэффициент угленоскости кузнецких угольных пластов был выше донецких в 15 раз, их мощность достигала 13,8 м. Здесь была вся гамма углей, за исключением антрацита [2, с. 16].

В 1927 — 1928 хозяйственном году Кузбасс обеспечивал 6,74 % общесоюзной и 76,5 % общесибирской добычи угля. Объем годовой угледобычи составлял 2,4 млн т. По современным меркам это очень немного, но тремя годами раньше (1925 — 1926 гг.) в Кузбассе добывали еще меньше — 932 тыс. т.

Первый пятилетний план (1928 — 29 — 1932 — 33 гг.) определял рост добычи угля в Кузбассе до 6 млн т. в год, т.е. в 2,3 раза. Более половины этой добычи (3,2 млн т) должны были дать новые шахты, закладка которых предусматривалась в основном на Прокопьевском и Осинниковском рудниках. Там имелись большие запасы высококачественных коксующихся углей. Это была напряженная, но вполне выполнимая программа, учитывая многолетний строительный опыт. Однако планомерный, сбалансированный подход к развитию как угольной промышленности, так и всего народного хозяйства СССР был нарушен партийными установками 1929 — 1930 гг., направленными на резкое форсирование темпов роста тяжелой промышленности, пересмотр пятилетнего плана в сторону многократного превышения его заданий. Так, по государственному плану предусматривалось заложить в Кузбассе к 1932 году 11 шахт мощностью 3605 тыс. т. Однако в соответствии с новыми установками партии начали строительство 49 шахт, проектная мощность которых превышала плановую в 18 раз, составив 67575 тыс. т. В одном только Прокопьевске вместо 4 шахт стали строить 17 [2, с. 17].

Намерение увеличить шахтные мощности в 18 раз требовало и роста (примерно в 18 раз) материально-технического снабжения строительства. Но в действительности имелась база под 11 шахт, а не под 49. Поэтому обеспеченность строительства была крайне низкой: по материалам от 15 до 45 %, оборудованию — от 12 % (насосы) до 20 % (вентиляционные трубы), 34 % (отбойные молотки).

Чтобы возросла мощность в 18 раз, надо было на столько же увеличить возможности проектировщиков, которые работали над проектом шахты не менее года. Однако, по данным Кузбассстреста, в 1926 — 1927 гг. удельный вес ИТР в угольной промышленности составлял лишь 0,3 % (в 1937 году — 3 %) от общего числа работавших [3].

В постановлении закрытого заседания президиума Сибкрайсовнархоза от 24 мая 1927 г. «О кадрах специалистов Сибирской промышленности» говорилось о недостатке квалифицированных специалистов по большинству отраслей промышленности и необходимости обеспечения Сибирской промышленности кадрами хозяйственников, высшим и низшим персоналом [4].

Потребность в инженерно-технических кадрах возросла и в связи с принятым решением Совета На-

родных Комиссаров и Совета Труда и обороны СССР от 15 января 1929 года о строительстве Кузнецкого и Магнитогорского заводов [5]. Рассмотрев это решение на региональном уровне, 13 мая 1930 года Сибирский краевой комитет ВКП(б) принял постановление «О состоянии работы Кузнецкой окружной организации». Крайком просил ЦК ВКП(б) создать авторитетную комиссию и поручить ей разработать конкретный план развития Кузнецкого бассейна, открыть в Кузбассе учебные заведения различного типа, чтобы удовлетворить крайне острые потребности Кузбасса в квалифицированных кадрах [6]. Так как в то время единственным высшим техническим учебным заведением на всей территории азиатской части России был основанный в 1896 году и открытый в 1900 году Томский технологический институт практических инженеров, именно на его базе было решено организовать семь втузов, в том числе металлургического института в Сибири. В приказе ВСНХ СССР от 18 мая 1930 года было отмечено, что институт создается вне Томска (место расположения втуза указано не было) [5, с. 200].

30 июня 1930 года ЦИК и Совет Народных Комиссаров СССР приняли решение о создании отраслевых институтов на базе отдельных факультетов Томского технологического института, в том числе и Сибирского института черных металлов в городе Новосибирске, который должен был находиться в ведении объединения «Сталь» Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) СССР [7]. Важность этого документа была отмечена в решении общевузовского собрания партячейки ВКП(б) Сибирского института черных металлов (Новосибирск) от 14 августа 1931 года: «Переход на заводскую площадку Кузнецкстроя отражает основные установки краевых организаций, Кузнецкого райкома и парторганизации института, показывает перспективу развития института в мощный Сибирский металлургический институт на непосредственной базе Кузнецкого завода...» [5, с. 27].

Осенью 1931 года институт переехал в город Сталинск Западно-Сибирского края, с 1937 года — Новосибирской области, с 1943 года — Кемеровской области, а в 1961 году город Сталинск был переименован в город Новокузнецк. Изменения происходили и в названии института. В 1933 году решением правительства институт был переименован в Сибирский металлургический институт. В августе 1933 года в город Сталинск приезжал нарком тяжелой промышленности СССР Серго Орджоникидзе, а позже на основании постановления Президиума Сталинского горсовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 7 августа 1933 года институту было присвоено имя Серго Орджоникидзе [7, л. 3].

Кузнецкстрой задыхался от нехватки технической интеллигенции. Лишь немногие инженеры Кузнецкстроя имели хотя бы какой-то опыт работы (по данным профсоюзной переписи 1932 — 1933 гг., свыше 23 % рабочих на Кузнецком комбинате в те годы совсем не знали грамоты и более 13 % были малограмотными) [8]. Прежде чем освоить технологию, ее предстояло разработать, а имеющийся инженерно-технический персонал не был готов к выполнению этой задачи. Требовались квалифицированные инженерные кадры.

Особо остро встал проблема профессионализма кадров в начале 1933 года, когда истек срок договора с американской фирмой «Фрейн» о консультативной помощи во время строительства Кузнецкого металлургического комбината (КМК). Договор не был возобновлен, и американские специалисты покинули

площадку. На местные инженерные кадры легла вся ответственность.

Вследствие низкой квалификации работников и плохой организации труда на обслуживании металлургических агрегатов было занято в 2–3 раза больше рабочих, чем предусматривалось проектом. Себестоимость мартеновской стали оказалась в 2–3 раза выше, чем на южных заводах.

Обеспечить Кузбасс высококвалифицированными кадрами должен был Сибирский металлургический институт. Первый выпуск специалистов в СМИ состоялся в 1934–1935 годах — 25 инженеров-литейщиков. К 1941 году институт подготовил и отправил для работы в промышленности уже 661 инженера шести основных специальностей. При этом, выполняя задание правительства по обеспечению черной металлургии Кузбасса инженерно-техническими кадрами, институт направил только на Кузнецкий металлургический комбинат 457 выпускников [5, с. 47]. Они являлись основным ядром коллектива инженерно-технического состава завода, обеспечивавшего решение задач строительства цехов и агрегатов.

Сибирский металлургический институт в процессе своей работы оказывал помощь промышленности по двум основным направлениям: во-первых, техническая помощь в решении вопросов, возникавших в процессе производства, во-вторых, технические консультации, экспертизы и повышение квалификации работников завода.

Постепенное пополнение предприятий Кузбасса инженерно-техническими работниками было прервано Великой Отечественной войной. В первые недели войны значительная часть ИТР отправилась на фронт. За полгода из Кузбасса выбыло 13 процентов инженеров и техников [9].

Для того чтобы в условиях войны продолжить работу учебных заведений, готовивших инженеров и техников для угольной промышленности, Государственный комитет обороны принял специальное постановление от 19 апреля 1943 года, согласно которому создавались исключительно благоприятные условия для работы всех институтов черной металлургии и, в частности, СМИ. Укрепилась материальная база института, было передано здание под лабораторию, выделена крупная животноводческая база, расширено пригородное хозяйство. Директорам всех вузов было предложено не задерживать студентов, переводящихся в СМИ из других институтов [10].

После Великой Отечественной войны перед страной в ряду других сложных проблем по-прежнему стояла задача по развитию и укреплению высшей школы. В связи с этим была проделана большая работа по совершенствованию системы управления высшей школы. В 1946 году Всесоюзный комитет по делам высшей школы был преобразован в Министерство высшего образования СССР. Ликвидировалось двойное подчинение вузов, затруднявшее проведение единой политики в области высшего образования. В 1950 году в ЦК ВКП(б) был создан отдел науки и высших учебных заведений [11].

За годы ВОВ значительно выросли и индустриальный потенциал Кемеровской области, ее роль в экономике страны. В связи с этим региону предстояло преодолеть разрыв между высоким уровнем индустриального развития и слабой обеспеченностью промышленных предприятий квалифицированными инженерными кадрами.

В начале 1950-х годов на предприятиях Кузбасса был высок процент руководителей-практиков. Например, на предприятиях угольной промышленности

на 1 января 1950 года в системе комбинатов «Кузбассуголь» и «Кемеровоуголь» работали 6162 руководящих и инженерно-технических работника, из них с законченным высшим образованием — 770 человек (12,5 %), со средним специальным 2002 человека (32,5 %) и практиков 3390 человек (55 %) [12]. Как видно из приведенных данных, практики, закончившие в лучшем случае курсы техников узкой специальности, составляли больше половины всех ИТР. По месту работы ИТР располагались следующим образом: в аппаратах комбинатов 234 человека (3,8 %), в аппаратах трестов — 423 человека (6,8 %), непосредственно на шахтах 4129 человек (67,0 %), в подсобных цехах, химических лабораториях и прочих местах — 22,4 % [12, с. 48].

В угольной промышленности Кузбасса было занято — 33% дипломированных инженеров и техников, в химической — 36 %, в черной металлургии — 37 % [13]. Такая же ситуация сложилась и на химических и на металлургических предприятиях области.

Таким образом, количественный и качественный состав инженерно-технических кадров не способствовал успешному развитию действовавших и строящихся промышленных предприятий. Существовавшие в то время горные факультеты старейшей горной школы в Томском политехническом институте и Сибирском металлургическом не могли обеспечить кадрами растущую мощь новых горных предприятий области [13, с. 7]. Увеличение набора в ТПИ могло улучшить положение, но не решить проблему в целом.

Выходом из сложившейся ситуации стало открытие на базе Кемеровского горностроительного техникума Кемеровского горного института.

Становление института разворачивалось стремительно. В конце 1960-х годов в КГИ работало уже восемь факультетов и тридцать пять кафедр. Подготовка инженеров в институте велась по семнадцати специальностям. При подведении итогов 15-летнего существования вуза отмечалось, что основная масса его выпускников (более 2800) работала в промышленности и около 200 человек в научно-исследовательских и проектных институтах и учебных заведениях.

Таким образом, к началу 1970-х годов технические вузы Кемеровской области могли фактически в полном объеме обеспечивать предприятия тяжелой промышленности высококвалифицированными кадрами. При этом необходимо отметить, что данный факт является своеобразным отражением присущих советской модели экономического развития приоритетов в пользу тяжелой промышленности. Развитие легкой промышленности происходило по остаточному принципу, что особенно негативно сказывалось на пищевой промышленности региона.

В начале 1970-х годов решение вопроса об открытии нового вуза, который готовил бы специалистов для пищевой промышленности, было в компетенции общесоюзных министерств и ведомств. Однако инициатором выступил первый секретарь Кемеровского обкома КПСС А. Ештокин. Обосновывая целесообразность открытия технологического института, А. Ештокин отмечал увеличение в регионе объема производства товаров народного потребления (с 650 миллионов рублей в год в 1965 году до 1025 миллионов рублей в 1970 году), введение в строй новых предприятий легкой промышленности и нехватку специалистов с высшим образованием. На предприятиях черной металлургии на 1000 работающих приходилось 39 инженеров, в химической промышленности — 38, в пищевой и легкой — 8 и 2 человека соответственно. Приезжавшие из других регионов специ-

алисты в большинстве своем покидали область после трех лет работы.

По-видимому, руководство страны восприняло аргументы, приводившиеся А. Ештокиным как весомые, и 6 января 1972 года вышло постановление правительства СССР «Об организации Технологического института пищевой промышленности в городе Кемерово».

Значимость института обуславливалась не только тем, что он был единственным по профилю на огромной территории, включающей Сибирь и Дальний Восток. Он являлся единственным вузом в стране с такой широкой специализацией. Два факультета дневного отделения — механический и технологический — готовили инженеров по 7 специальностям. Отделения с такими специальностями имелись в других вузах страны, но в пределах одного учебного заведения они были объединены впервые [14]. По решению пищевой секции научно-технического Совета Минвуза СССР КемТИПП был определен как координатор научно-исследовательских работ пищевой тематики институтов Сибири и Дальнего Востока [15].

Таким образом, в 1930 — 1985-е годы важное место в деле подготовки инженерных кадров для предприятий тяжелой и легкой промышленности Кузбасса занимал процесс становления технических вузов.

Формирование вузовского образования в Кузбассе происходило в соответствии со становлением новых отраслей промышленности. Однако высшая техническая школа Кузбасса в своем развитии, как правило, отставала от развития хозяйственного комплекса. Открытие вузов сопровождало, а не предшествовало развитию соответствующих отраслей экономики.

Сибирский металлургический институт, Кемеровский горный институт — Кузбасский политехнический институт и Кемеровский технологический институт пищевой промышленности прошли сложный путь становления и развития и стали основными учебными базами по подготовке инженерных кадров (С 1930 года по 1985 год почти 37000 инженеров подготовил СМИ, Кузбасский политехнический институт с 1950 года по 1985 год — 30,7 тыс. инженеров, КемТИПП с 1972 года по 1985 год — 9 тысяч специалистов). Не последнюю роль в процессе становления и развития системы высшего образования сыграли местные органы власти. Их неоднократные мотивированные обращения в центральные органы можно с уверенностью считать одной из причин открытия некоторых вузов Кузбасса (КузПИ, КемТИПП).

Несмотря на сложности, технические вузы региона активно развивались, создавались новые специальности, развивалась прикладная и фундаментальная наука. Кузбасский регион превращался в один из центров науки и профессиональной подготовки студентов.

Библиографический список

1. История индустриализации Западной Сибири. Документы и материалы. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение АН СССР, 1967. - С. 124.
2. Превращение Кузбасса в индустриальный регион (1927-1937). Под ред. Г.Г.Халиулина. - Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1995. - С. 16.
3. Заболоцкая К.А. Динамика отношений ИТР и рабочих угольной промышленности в Сибири в 20-80-е годы / К.А. Заболоцкая // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества. - Выпуск 2. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1991. - С. 72.
4. Власть и интеллигенция в Сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926-1932: Сб. документов/ Сост. С.А.Красильников и др. - Новосибирское издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. - С. 145.
5. Берлин А.Б. Сибирский металлургический институт. Дела и люди / А.Б. Берлин - Новокузнецк, 1992. С.40.
6. Соколова В.П. Из летописи Кузбасса / В.П. Соколова - Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1960. - С.71.
7. Предисловие к описи № 1, к фонду р-86. Сибирский металлургический институт имени Серго Орджоникидзе Министерства высшего и среднего специального образования СССР // НФ ГАКО. - Ф. р-86. - Оп.1. - Л. 1.
8. Кузбасс. Прошлое, настоящее, будущее. - Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1978. - С. 181.
9. Шуранов Н.П. Подготовка инженерно-технических кадров для угольной промышленности в годы Великой Отечественной войны / Н.П. Шуранов // Формирование и развитие социалистической интеллигенции. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1982. - С. 129.
10. Сибирский государственный индустриальный университет. Страницы истории. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. - С.34.
11. Брель В.Н. Развитие высшей школы и науки в Кузбассе в послевоенный период (1945-1955 гг.) / В.Н. Брель // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. - С. 6.
12. Сердитов А.К. Подготовка специалистов для угольной промышленности Кузбасса / А.К. Сердитов // Из истории рабочего класса Кузбасса. - Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1972. - С. 46.
13. Курехин В. Нам - 50! / В.Курехин // Вестник Кузбасского государственного технического университета. - Кемерово: КузГТУ, 2000. - № 5. - С. 6.
14. Смирнова Л. Технологический открывает двери / Л. Смирнова // Комсомолец Кузбасса. 1972. 5 сентября.
15. Арет В. Время роста / В.Арет // Кузбасс. 1982. 15 октября.

ЛИПУНОВА Лариса Викторовна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права.

Статья поступила в редакцию 24.10.07 г.

© Л. В. Липунова

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С БЕЗРАБОТИЦЕЙ В ГОДЫ НЭПА

Автор ставит цель переосмыслить место профсоюзов в решении проблемы массовой безработицы в годы НЭПа. В современных условиях профсоюзы существенно сдали свои позиции в деле защиты интересов рабочих, поэтому важным является изучение влияния этих организаций на решение серьезных государственных задач. Участие профсоюзных организаций в оказании помощи безработным было специфической чертой политики по борьбе с безработицей в рассматриваемый период. Однако эта помощь помимо важных достоинств имела и ряд существенных недостатков.

Решение социально-экономических проблем является важным направлением внутренней политики каждого государства. Одним из приоритетов в этой области был и остается контроль над состоянием рынка труда. Обеспечение удовлетворения права на труд для всех граждан является залогом стабильности общества и государства.

В начале 20-х годов XX в., когда завершилась гражданская война, экономика всей советской страны находилась в состоянии тяжелейшего кризиса. С переходом к новой экономической политике (НЭП) были связаны изменения во всех сферах советского общества. Одним из «символов» этого периода истории нашего государства стала массовая безработица.

Регулирование рынка труда и борьба с безработицей стали ведущими направлениями социально-экономической политики молодого Советского государства. Однако в условиях тяжелейшего кризиса, государственная политика по ликвидации безработицы и помощи безработным требовала поддержки со стороны населения в лице различных общественных организаций. Ведущей организацией, защищавшей и выражавшей права рабочих, были профсоюзы. Именно они стали той силой, которая способствовала вовлечению временно незанятых квалифицированных и полуквалифицированных рабочих в сферу трудовой деятельности.

В советской историографии констатировался факт привлечения профсоюзных организаций к непосредственной деятельности бирж труда¹. Однако рассматривались лишь основные направления профсоюзной помощи безработным. Сам механизм взаимодействия и тем более перегибы со стороны отдельных профсоюзных организаций обходились. Современные исследователи, подробно анализируя социально-экономическую ситуацию того времени, также не уделяют должного внимания вопросу взаимоотношений и взаимодействия государственных органов и профсоюзов. Делаются попытки концептуально нового переосмысления накопленного по теме теоретического и фактического материала, характерно желание переосмыслить политику советского госу-

дарства в области трудовых отношений, проблемы взаимоотношений идеологических институтов, государственных органов и личности на рынке труда в 20-е годы. Публикуются работы, частично затрагивающие региональные аспекты данной проблемы². Но роль общественных организаций в этих работах уходит на второй план. Сведения региональных профсоюзов используются как иллюстративный материал к теоретическим выводам авторов.

Следует отметить, что период НЭПа явился новым этапом во взаимоотношениях государственных органов труда и профсоюзов. Их сотрудничество определялось общей целью, но методы ее достижения не всегда совпадали.

С отказом от политики военного коммунизма и переходом к новой экономической политике после X съезда партии в марте 1921 г. произошли существенные изменения на рынке труда. На IV Всероссийском съезде профсоюзов, который состоялся в мае 1921 г., был поставлен вопрос об изменении политики профсоюзов в новых условиях. Логическим следствием стала независимость профсоюзов от государства.

Партийные деятели, осознавая важную роль профсоюзных организаций в сложившихся условиях, наоборот стремились установить контроль над ними. XI съезд партии (27 марта – 2 апреля 1922 г.) официально одобрил резолюцию Политбюро «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики»³ и с тем, чтобы сделать партийный контроль более надежным, постановил, что только члены партии, имеющие партийный стаж в несколько лет, могли быть избраны на руководящие посты в профсоюзных организациях, причем величина требуемого стажа зависела от важности поста. За профсоюзами сохранилась монополия на охрану труда и защиту интересов рабочих; выборы фабричных комитетов проводились в соответствии с уставом соответствующего профсоюза, и результаты выборов утверждались им. А все вопросы, связанные с реорганизацией рынка труда в новых условиях и борьбы с все возрастающей безработицей, были переданы

Народному Комиссариату Труда (НКТ) и его отделам.

Однако профсоюзные деятели четко осознавали необходимость в оказании помощи безработным, прежде всего, членам союзов. Член Всероссийского (после 11.11.1924 г. — Всесоюзного) Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) А. Лернер писал: «В области борьбы с безработицей перед союзами стоит огромной важности задача — предохранить своих членов от деклассации и морального разложения. Посылка на работу членов союза в первую очередь должна стать незыблемым правилом. Трудовая помощь, установление квалификации и норм социального страхования должны целиком проводиться под руководством профсоюзов. Угроза расслоения индустриального пролетариата в массе деклассированных крестьянских элементов требует постоянного воздействия со стороны профорганов»⁴. Идея сохранения пролетариата в условиях наплыва населения из деревни была центральной в политике ВЦСПС по борьбе с безработицей в годы НЭПа.

Знаковым моментом в вопросе социального обеспечения рабочих в условиях свободного рынка стал декрет СНК РСФСР от 15.11.1921 г. «О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом». По нему государственное социальное обеспечение на все случаи временной и постоянной утраты трудоспособности, на случай безработицы, а также на случай смерти заменялось социальным страхованием. Страховые взносы платились в зависимости от количества занятых лиц и вредности предприятий, учреждений и хозяйств администрацией или владельцами последних без права обложения страхуемых. Тарифы взносов на социальное страхование издавались Народным Комиссариатом Социального Обеспечения по соглашению с ВЦСПС⁵. Уже в декабре 1921 г. на заседании Комиссии при ВЦСПС по обеспечению безработных были заслушаны доклады и приняты важные решения по вопросам социального страхования на случай безработицы. При установлении норм пособия по безработице за счетную единицу была взята минимальная ставка, исходя из среднего размера оплаты, утвержденного ВЦСПС для данной губернии. Минимальное пособие устанавливалось в 1/3 от расчетной единицы, а максимальное — в средний размер оплаты труда. Пособие выдавалось каждому безработному не более 6 месяцев в течение года⁶. Также был определен размер страхового взноса для покрытия расходов по обеспечению безработных, который составил 2 % фонда заработной платы для государственных и 4 % для частных предприятий⁷.

Однако в период массовой безработицы отдельные профсоюзы, где число безработных было чрезвычайно высоко, самостоятельно повышали процент отчислений в фонд помощи безработным. Так, некоторые союзы (местного транспорта, связи, народного питания и др.) вводили обязательные 1 % отчисления в фонд безработных непосредственно от заработной платы помимо членских взносов, 3 — 5 % которых переводились в помощь безработным⁸. При этом центральные органы профорганизаций относились к такой инициативе на местах отрицательно, считая эти отчисления чрезмерными даже в сложившихся условиях. В итоге 12 февраля 1924 г. ВЦСПС издал циркуляр с требованием отмены непосредственных систематических отчислений, что было поддержано и представителями НКТ.

Следующим важным шагом в вопросе взаимоотношений государственных органов и профсоюзов стало восстановление бирж труда. Постановление

Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 3 марта 1922 г. устанавливало принцип добровольности в деле посылки безработных на работу. Тем самым был осуществлен переход от принудительного привлечения рабочей силы к посредничеству по найму на началах добровольного согласия безработных.

В постановлениях и циркулярах НКТ весны-лета 1922 г. оформились основные положения связанные с реформированием отдела рынка труда. Постановлением от 12 апреля подотделы распределения были преобразованы в биржи труда. Они стали органом, выполняющим функции по государственному регулированию рынка труда.

С одной стороны, профсоюзам предоставлялась широкая возможность участия в работе бирж: организация профессиональных секций и направление своих членов в Комитеты бирж труда, занимавшиеся их непосредственным руководством. Но, с другой стороны, «организация при профсоюзах аппаратов по непосредственному распределению рабочей силы, то есть работе, параллельной деятельности бирж труда» не допускалась⁹. Однако это соблюдалось не всегда. В отчете Отдела рынка труда НКТ РСФСР за июнь 1922 г. сообщалось, что «профсоюзы в некоторых губерниях предприняли самостоятельную, независимую от бирж труда, борьбу с безработицей (например, в Петрограде, Баку и прочих городах). С этой целью они начали организовывать при профсоюзах Бюро труда с функциями вполне аналогичными функциям бирж труда, артели безработных и т. п.»¹⁰. Отдел рынка труда отнесся к этим фактам отрицательно, Бюро труда были заменены профсекциями при биржах.

В результате, основными формами сотрудничества бирж труда с профсоюзами стали:

1. участие представителей последних в руководстве деятельностью бирж труда;
2. проведение мероприятий по усилению влияния профсоюзов на биржах в основном за счет предоставления работы в первую очередь членам союзов;
3. оказание профсоюзами материальной помощи безработным за счет создания специальных фондов;
4. помощь в борьбе с безработицей через участие в организации артелей и общественных работ для безработных;
5. ведение профессиональной и культурно-просветительной работы на биржах.

Такая тесная связь определялась, прежде всего, самим характером Советского государства. К тому же партийное руководство в условиях НЭПа видело в профсоюзах надежный рычаг осуществления контроля над такой важной сферой как рынок труда. Таким образом, фактически ни одно решение НКТ по вопросам труда не принималось без предварительного обсуждения и согласования с профсоюзами.

Существенную роль профсоюзы сыграли в процессе проводившейся в 1924 г. монополизации посреднической деятельности бирж труда, вызванной необходимостью оптимизировать их работу. Между представителями хозорганов и профсоюзов в конце 1922 г. возникла дискуссия, по вопросу реорганизации бирж труда. Она была порождена неспособностью бирж в сложившихся социально-экономических условиях ликвидировать избыточное предложение труда и удовлетворить в должной мере спрос со стороны нанимателей. Звучали предложения об отказе от обязательного трудоустройства через государственные органы трудового посредничества и переходе к свободному найму. Эта дискуссия была

временно прекращена в связи с постановлением Президиума ВЦСПС от 30.01.1923 г. о сохранении и обязательности обращения сторон в биржи труда¹¹.

Несмотря на то, что совместное постановление НКТ и ВЦСПС в феврале 1923 г. предоставило право свободного найма с последующей регистрацией в органах труда для лиц определенных профессий, требовавших высокой квалификации, имущественного (инкассаторы, сторожа и прочие), политического и личного доверия, профсоюзные деятели очень настороженно относились к такой либерализации трудовых отношений. Прежде всего это было связано с опасением, что «право вольного найма помимо бирж труда породит кумовство и протекционизм, позволит предпринимателям обходить при найме неудобные им категории безработных, например, членов профсоюзов»¹². Однако недоверие нанимателей и безработных к биржам труда росло, что было вызвано случаями взяточничества и проволочками в их работе. Уровень безработицы при этом не только не снижался, а даже увеличивался. В январе 1923 г. на 279 биржах труда РСФСР было зарегистрировано 480,8 тыс. человек, а в июне того же года эта цифра достигла 693,8 тыс. безработных, в декабре 1923 г. — 900 тыс.¹³ К концу 1923 г. необходимость реформирования бирж труда в целях их частичной демополизации стала острой необходимостью.

В середине 1924 г. Ленинградская биржа труда перешла на посредническо-добровольные начала найма рабочей силы. Государственным и кооперативным организациям было предоставлено право набора рабочей силы из числа как состоявших, так и не состоявших на учете безработных, но с обязательной последующей регистрацией факта найма на бирже труда. На первых порах это дало интересный результат: из 170 тыс. зарегистрированных безработных на Ленинградской бирже осталось только 13 тыс.¹⁴. Работники Отдела рынка труда НКТ РСФСР предложили расширить опыт ленинградской биржи по всей стране. Однако такое решение не могло быть принято без одобрения ВЦСПС.

Профсоюзные деятели предельно серьезно подошли к разработке вариантов дальнейшего развития политики на рынке труда. 24 июня 1924 г. ВЦСПС создал специальную комиссию для решения вопроса о реорганизации бирж труда по ленинградскому образцу. В ее состав вошли: А. А. Андреев, А. М. Бахутов, Г. Д. Вейнберг, М. П. Владимиров, И. И. Лепсе, Г. Н. Мельничанский и др. В рамках деятельности комиссии был проведен опрос об отношении отдельных профсоюзов к этой проблеме.

В результате был сделан общий вывод о допустимости реорганизации бирж по опыту ленинградской. 20 августа 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило предложения, предусматривавшие переход к активному трудовому посредничеству без обязательного найма через биржи труда. А постановление НКТ СССР от 21 августа об организации посреднических бюро по найму при биржах труда положило конец монополии последних на рынке труда. Посреднические бюро выполняли функции обслуживания безработных высокой квалификации, приглашаемых на должности, требующие личного, политического и материального (имущественного) доверия, а также лиц, приглашаемых на временные работы неквалифицированного характера сроком до 2-х недель¹⁵.

Увеличение влияния профсоюзов на рынке труда отразилось на руководстве биржами. Органами, осуществлявшими трудовое посредничество на основе постановления ЦИК и СНК СССР от 02.01.1925 г.,

стали биржи труда. Непосредственное руководство ими возлагалось на заведующего, выдвигавшегося Губернским советом профессиональных союзов (ГСПС) или Уездным профбюро и утверждавшегося Отделом труда. В местностях, где не было бирж труда или где они не обслуживали малочисленные группы безработных, посредничество передавалось соответствующим профсоюзам. Фактически представители государственных органов в руководстве биржами труда были заменены профсоюзными деятелями. Итогом усиления роли профсоюзов на рынке труда явилось упразднение НКТ и передача его функций органам ВЦСПС в 1932 г. Это стало закономерным итогом стремления партии через профсоюзные органы осуществлять контроль над отдельными сферами жизни общества и, прежде всего, трудовыми отношениями.

Советское правительство, столкнувшись с неведомой до этого по масштабам безработицей, разрабатывая и реализуя на практике политику по ее смягчению и ликвидации, опиралось на имевшие опыт деятельности в этой сфере профсоюзы. Они, являясь независимыми от государства общественными организациями, в период новой экономической политики на деле были реальной силой в реализации государственных мер борьбы с безработицей и оказании помощи безработным. Профсоюзы были призваны контролировать и дополнять работу бирж труда. Их деятельность носила многоплановый характер.

Однако в деятельности профсоюзов можно отметить ряд недостатков. Прежде всего, это стремление к подмене своими органами государственные отделы труда, дублирование или наоборот игнорирование основных требований к работе бирж труда. Сюда же следует отнести жесткую политику в отношении так называемых нетрудовых элементов, вплоть до полного отказа в предоставлении им трудовой и материальной помощи. А также явную классовую направленность их деятельности.

В общем, говоря о взаимодействии государственных органов труда и профсоюзов в годы НЭПа, следует отметить, что в этой области четко прослеживается тенденция к усилению роли последних в решении общегосударственных вопросов. В условиях однопартийной системы, это было оправданно. Профсоюзы, четко обозначив линию на защиту прав трудящихся, во многом смогли реализовать основные цели своей деятельности. Это необходимо воспринимать как важный исторический опыт, который современные профсоюзы могут использовать при адаптации его к реалиям нашей страны. Однако не следует забывать, что подмена государственных интересов, сколько многочисленными они бы ни являлись, влечет за собой искаженное одностороннее решение важных социальных проблем. Государство должно до известной меры контролировать и направлять работу такой важной общественной организации как профсоюзы.

Примечания

¹ См.: Гиндин, Я.И. Безработица и трудовое посредничество. — М., 1928; Исаев, А. Происхождение и характер безработицы в СССР. — М., 1926; Суворов, К.И. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917—1930). — М., 1968; Рогачевская, Л.С. Ликвидация безработицы в СССР 1917—1930 гг. — М., 1973 и др.

² См.: Лихолет, О.В. Социальная политика Советской власти в годы НЭПа (на материалах Нижнего Поволжья): Дис...канд. ист. наук. — Астрахань, 2003; Лысенков, С.А. Борьба с безработицей

и Самарская биржа труда: сравнительный анализ (80-е гг. XIX — пер. тр. XX вв): Дис... канд. ист. наук. — Самара, 2003; Шестак, О.И. Советская социальная политика и ее реализация на Дальнем Востоке (1922 — 1941 гг.): Дис...канд. ист. наук. — Владивосток, 2003; Колесьянкина, И.И. Быт населения Карелии в годы НЭПа: 1921 — 1927 гг.: Дис...канд. ист. наук. — Петрозаводск, 2003; Терняев, А.П. Социально-экономическое развитие Мордовии в период новой экономической политики: Дис...канд. ист. наук. — Саранск, 2004.

³ См.: Материалы XI съезда РКП(б). Стенографический отчет. — М., 1961, С. 885.

⁴ ГАРФ. Ф. 5451 Оп. 5. Д. 512. Л. 19.

⁵ См.: Там же. Л. 13.

⁶ Там же. Д. 520. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же. Оп. 8. Д. 292. Л. 22.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 382. Оп. 4. Д. 1091. Л. 21.

¹¹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 9. Д. 348. Л. 69.

¹² Гаусман, А. К Реорганизации бирж труда // Труд. — 1923. - №19. - 4.

¹³ ГАРФ. Ф. 382. Оп. 4. Д. 1196. Л. 46.

¹⁴ См.: Лысенков, С.А. Борьба с безработицей и Самарская биржа труда: сравнительный анализ (80-е гг. XIX — пер. тр. XX вв): Дис...канд. ист. наук. — Самара, 2003, с. 104.

¹⁵ См.: Гиндин, Я.И. Новые формы работы бирж труда. — М., 1924, С. 32.

БУХАРЕНКОВА Ольга Юрьевна, аспирантка кафедры политической истории факультета государственного управления.

Статья поступила в редакцию 10.01.08 г.

© О. Ю. Бухаренкова

УДК 070 (09) (571.54)

Н. В. ЦЫПЫШЕВА

Восточно-Сибирский государственный
технологический университет,
г. Улан-Удэ

РОЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПРИБАЙКАЛЬЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ 1920—1922 гг.

В статье проанализирована роль периодической печати Прибайкалья в политической жизни Дальневосточной Республики. Прибайкалье стало родиной нового государства — Дальневосточной Республики и имело ряд особенностей политического, социального и культурного характера. В работе акцентировано внимание на общественном звучании и отражении в прессе разных политических направлений актуальных вопросов периода ДВР, показано взаимодействие прессы с политическими процессами в новом государстве.

Роль периодической печати Прибайкалья в политической жизни Дальневосточной Республики — тема, слабо изученная в работах исследователей. Именно здесь, в Прибайкалье, — Западном Забайкалье с центром в г. Верхнеудинске, после наступления Красной армии весной 1920 г. было создано буферное государство — Дальневосточная Республика (ДВР), призванное предотвратить войну Советской России с Японией. Потерпевшие крах в центральной России политические устремления русской интеллигенции к созданию демократического государства с парламентарной формой правления получили возможность реализации в ДВР. Руководство ДВР, учитывая сложную внешнеполитическую ситуацию, сложившуюся на Дальнем Востоке, постоянную угрозу Японии начать военные действия, вынуждено было допустить легальную деятельность различных общественных групп в буферном государстве. Газеты широкого политического спектра вписали яркую страницу в историю ДВР, являясь зеркалом общественного мнения и ареной политических баталий.

Первыми газетами ДВР стали официальные информационные органы. В марте 1920 г. в только что

очищенном от семеновских и японских войск Верхнеудинске была создана Временная земская власть Прибайкалья и организован ее печатный орган «Известия Временной земской власти Прибайкалья». Газета выходила в типографии политотдела Забайкальской группы войск на 1 — 3 полосах. В номерах указы и постановления Временной земской власти, журналистских статей нет. Временная земская власть через свой орган решительно заявляет о намерении навести порядок в Прибайкалье, подавляя попытки к сепаратным выступлениям, и призывает население сплотить силы вокруг временной власти [1; 2]. Газета являлась официальным информационным вестником Временной земской власти Прибайкалья, призванной организовать порядок в Прибайкальском районе.

6 апреля 1920 г. состоявшийся в Верхнеудинске съезд трудящихся Прибайкалья принял декларацию об образовании ДВР. В ее состав вошли Забайкальская, Приморская, Камчатская, Сахалинская области и полоса отчуждения КВЖД. Государство по форме буржуазно-демократическое, но руководимое коммунистами [2; 140 — 141]. Верхнеудинск более полугодом оставался столицей этого государства, здесь были

предприняты первые шаги по организации правительства ДВР, которое издавало с 29 апреля 1920 г. официальную газету «Дальневосточная Республика». Газета тиражом в 1000 экземпляров выходила объемом в 4 страницы. Основные отделы: «По Советской России», «По Советской Сибири», «На красных фронтах Дальневосточной Республики», «В последнюю минуту» и др. В ее официальном отделе печатались законы, указы и распоряжения правительства. Большое место отводилось разъяснению внешней политики Советской России и ДВР по отношению к Японии, Китаю и США. 1 июня вышел специальный номер газеты на английском языке тиражом в 500 экземпляров и был отправлен в Токио, Пекин и США. Этот номер сыграл большую пропагандистскую роль, поведав миру о реальном существовании ДВР [3; 29]. К октябрю 1920 г. положение на фронтах стало складываться в пользу ДВР. Войска Семенова были разбиты, и правительство ДВР переехало в Читу. Туда же была переведена и редакция газеты «Дальневосточная Республика».

Существенное место в информационном пространстве Дальневосточной Республики занимали армейские издания. Весной 1920 г. была создана Народно-революционная армия ДВР. Главной целью армии стало наступление на Читу — центр Забайкальского правительства атамана Семенова, поддерживаемого японцами. Политотдел НРА издавал ряд армейских изданий, сыгравших существенную роль в информировании и агитации населения Прибайкалья: «Известия политотдела», «Красный Восток», «Боец», «Народоармеец». Эти газеты издавались в основном для нужд армии и были наполнены оперативными сводками с фронта и агитационным материалом, но получали также широкое распространение среди населения ДВР. 10 марта 1920 г. газета «Известия Политотдела» пишет «В областях Сибири, занятых Семеновым, рабочие переживают суровый режим: дороговизна безумная, проживать надо не менее 11 000 в месяц, рабочие получают всего 1000, рабочий день продолжается 18 часов, рабочих порят розгами...». Крестьянский подотдел политотдела НРА особое внимание обращал на работу с бурятским населением. Политотдел постоянно направлял в улусы своих инструкторов. За короткий промежуток времени подотдел распространил среди крестьян 7626, и воинских частях — 3588 и в учреждениях — 1228 экземпляров газет [3; 29].

В Прибайкалье, после захвата Читы получившем статус Прибайкальской губернии ДВР, с конца ноября 1920 г. стала выходить ежедневная газета «Прибайкалье» — орган Прибайкальского Нарревкома [4]. Основная цель газеты заключалась в своевременной и широкой информации населения о текущих событиях, публикация распоряжений правительства. Основные рубрики газеты: «Оборона ДВР», «Последние известия», «По Сов. России», «По ДВР», «За рубежом», «Местная жизнь», «Телеграммы ДальТА», «Хроника», «Обзор сов. печати», «Оборона Сов. России». Тираж в 1921 году колебался от 465 — до 570 экземпляров. Газета распространялась по подписке, а также продавалась в розницу [5].

Провозглашение ДВР не оправдало надежд многих партизан и воинов, сражавшихся в рядах красной армии против семеновской власти, поэтому созыв не советов, а Учредительного собрания новой республики был для многих неприятием. Газета «Прибайкалье» старается разъяснить населению, почему и зачем нам нужно Учредительное Собрание. «...Признавая высшей формой демократического строя органы советов, ДВР, под влиянием своего международного поло-

жения должна в данное время избрать своим органом управления парламент...» [6; 1]. Почти каждая передовица газеты «Прибайкалье» посвящена была ликвидации семеновщины. Кроме того, в газете имелась специальная рубрика «К ликвидации семеновщины». Правительство ДВР через свои печатные органы вело активную борьбу с врагом № 1 — Семеновым.

Взаимоотношения республики с Японией стали центральной темой всех газет ДВР. Несмотря на образование ДВР японцы чувствовали себя хозяевами на Дальнем Востоке: «...Проявляя самостоятельность на Дальнем Востоке, японокомандование своими поступками отрицает власть правительства ДВР...» [7; 1]. Японцы, признавая буфер и вступая с новым государством в переговоры, отнюдь не думали, что этот буфер будет советским. «Демократический» буфер должен был стать марионеткой в руках Японии. Вследствие этого японцы начинают активно создавать свой собственный буфер, используя оставшиеся силы белых армий на Дальнем Востоке. Произошедший в мае 1921 г. переворот во Владивостоке привел к власти прояпонское правительство Меркулова и сделал Приморье оплотом контрреволюции на Дальнем Востоке. Газета «Прибайкалье» и другие газеты ДВР отводят значительное место на своих страницах описанию событий «В царстве Меркулова». Приморье стало в сознании населения ДВР ассоциироваться с царством насилия и террора.

Меркуловское правительство было не единственной угрозой ДВР. Активизация действий контрреволюции в Прибайкалье ознаменовалась выступлениями барона Унгерна фон Штернберга. Газеты Прибайкалья постоянно следят за передвижениями армии барона и событиями в Монголии. Летом 1921 г. тревожная тема посетила страницы всех газет региона: барон Унгерн предпринял наступление на Верхнеудинск через Троицкосавск. Контрреволюционные элементы в Прибайкалье стали вести активную провокационную работу, распуская слухи о скором захвате Верхнеудинска войсками барона. Газета «Прибайкалье» призывает население успокоиться и не верить ложным слухам [8]. Газета следила за событиями вокруг похода Унгерна, постоянно сообщала на своих страницах о ходе военных действий, публикуя материалы о зверствах барона и о всенародной поддержке правительства ДВР в его борьбе с Унгерном. Являясь правительственной газетой в Прибайкальской губернии, газета «Прибайкалье» информировала население о действиях правительства и важнейших событиях в стране и за рубежом.

РКП(б) насчитывала в своих рядах в Прибайкалье 1460 человек, состоявших в 82 ячейках, — это была значительная партийная организация, для обслуживания нужд которой и пропаганды советской власти в ДВР создаются партийные печатные органы. 12 марта 1920 г. вышел первый номер партийной газеты «Рабочий и крестьянин Прибайкалья» — орган Верхнеудинского комитета РКП(б). Газета вела кропотливую работу по разъяснению среди населения причин образования буферного государства. Постоянно публикуется информация с фронта о ходе боев. Основные материалы газеты были посвящены работе открывшегося 29 марта 1920 г. съезду трудового населения Прибайкалья, на котором были заложены основы Дальневосточной Республики [9; 97].

В апреле 1920 г. для объединения усилий партийных организаций Дальнего Востока создается руководящий партийный орган — газета «Дальне-Восточная правда». «Наша газета есть рабоче-крестьянская газета. Она ставит себе целью защищать интересы

широких трудовых масс. Она стремится освещать все стороны рабоче-крестьянской жизни. Она желает привлечь к сотрудничеству в ней самих рабочих и крестьян» [9; 98]. В газете принимали активное участие коммунисты с мест. Содержание газеты становится богаче и разнообразнее. Осенью 1920 г. газета переезжает в Читу, а в Прибайкалье выходит новая газета РКП(б) — «Красное Прибайкалье». Газета выходила ежедневно в количестве 3300 экземпляров и высылалась всем местным комитетам [10]. У этой газеты большой коллектив авторов, образовавшийся за счет значительного числа местных корреспондентов, принимавших активное участие в издании газеты. Основные рубрики: «По ДВР», «По Советской России», «За границей», «На фронтах», «Последние известия», «Партийная и профсоюзная жизнь», «Хроника», «Литература и искусство». Впервые в Прибайкалье в газете появились «Страничка юного коммунара» и «Страничка женщины-работницы»: РКП(б) стремится охватить пропагандой все слои населения республики.

Идея Учредительного Собрания — надежды российской демократии, не получившая воплощения в России, реализовалась в ДВР. Коммунисты не оставляли сомнений по поводу назначения буфера и, понимая временный его характер, иронизировали по поводу создания демократических органов ДВР. Деятельность Учредительного Собрания, затем Народного Собрания ДВР постоянно дискредитировалась в массовой коммунистической печати. Газета «Красное Прибайкалье» — партийный орган РКП(б) в Прибайкалье, после окончания работ Собрания пишет в статье «Что дала учредилка»: «...Сделан ряд уступок враждебным силам, которые неизбежно будут тормозить нашу работу... Учредилка лишней раз подчёркнула всю лживость демократической иллюзии, обещаний спасительного выхода...» [11; 1]. «Красное Прибайкалье» постоянно обвиняет эсеров и меньшевиков в предательстве революции [12; 1]. Большевики были непримиримы по отношению к своим противникам, хотя у «грозных врагов рабочего класса», «предателей» — эсеров и меньшевиков — было куда как меньше средств для пропаганды, чем у правящей партии, обладавшей в плане пропаганды и агитации государственными ресурсами.

Регулярный выпуск массовых газет даже для держащих власть большевиков представлял собой большие трудности: очень остро ощущался недостаток средств, бумаги и квалифицированных журналистов. Эти трудности усугублялись переводом печатных органов на хозрасчет. В связи с этим в октябре 1921 года губком РКП(б) объединил газеты «Красное Прибайкалье» и «Прибайкалье» в одну ежедневную массово-политическую газету «Прибайкальская правда», сделав ее своим органом и выделив специального редактора.

«Прибайкальская правда» продолжает основные рубрики газеты «Красное Прибайкалье», расширяя и дополняя их, а также становится главной официальной газетой Прибайкальской губернии. У газеты очень большое количество авторов, местных корреспондентов. «Прибайкальская правда» проводит большую работу по политическому и культурному просвещению населения, разъясняет сущность хозяйственной и налоговой политики правительства, уделяет большое внимание мероприятиям по восстановлению народного хозяйства, прежде всего сельского. Газета призывает население оказать помощь народно-революционной армии, бороться с интервентами и белогвардейцами [13; 42]. Будучи официальным ор-

ганом РКП(б), «Прибайкальская правда» в своих публикациях клеймит правых социалистов, продолжая линию газеты «Красное Прибайкалье» [14; 3]. Как свидетельствует переписка Верхнеудинского уездного ревкома с газетой «Прибайкальская правда», она имела очень серьезные средства воздействия на различные нарушения и злоупотребления. По газетным статьям проводились расследования и решались многие вопросы [15].

Вопросом большой политической важности в ДВР являлся вопрос о выделении бурятской национальной автономии. В составе ДВР, позднее в РСФСР были выделены бурятские автономные области. Тем не менее, бурятский вопрос редко становился темой для обсуждения на страницах прибайкальских газет. Это отчасти объясняется позицией коммунистов: общая борьба за дело революции, в рамках которой будет установлено национальное самоопределение, отодвигала вопрос об автономии на второй план. Борьбу за бурятскую автономию коммунисты считали делом бурятской буржуазной интеллигенции. Например, в заметке «Бурятская беднота и автономия» доказывалось, что бурятская беднота против национальной автономии. «В Верхнеудинском Унаревкоме имеется документ, в котором говорится: «убедительно просим вас, т. председатель, о перечислении нас, Балагадцев, к вверенному вам управлению... Наши враги автономисты совершенно иных с нами взглядов, они добиваются своих прав самоуправления для того, чтобы сильнее закабалить потом беднейшее слои населения в руки своих и чужих богатеев и администраторов — лидеров этого движения». Эти бесхитростные, бескорыстные заявления бурятской бедноты определенно говорят кому и для какой цели нужна автономия...» [16; 2].

В Прибайкалье не было своих изданий на бурятском языке, которые публиковали преимущественно материалы, посвященные развитию бурятской нации. Первые издания на бурятском языке появились в Иркутске и Чите, став в дальнейшем основой печати Бурят-Монгольской АССР на бурятском языке. Прибайкальский обком РКП(б) уделял много внимания политической работе среди бурятского населения. В период подготовки к выборам в народное собрание ДВР из Читы были отправлены в Хоринский, Баргузинский и Чикойский аймаки листовки-воззвания на бурятском языке: «Кого выбирать в народное собрание», «Все к урнам», «Народное собрание и его задачи», а также Программа и Устав. РКП(б) следил за тем, чтобы эта литература распространялась среди бурятского населения [3; 42]. К сожалению, сведения о работе других политических партий среди бурятского населения практически отсутствуют.

Политический спектр прибайкальских газет не ограничивался коммунистическими и прокоммунистическими газетами. Деятельность альтернативных партий была допущена в ДВР как необходимость демонстрации демократических основ и многопартийной системы в новом государстве. Несмотря на шаткость своего положения, эти партии развернули бурную издательскую деятельность, проявляя наибольшую активность в период избирательной кампании.

Ярким примером такого издания является газета «Крестьянский труд» — орган Прибайкальского областного комитета партии социалистов-революционеров, выходившая в Верхнеудинске в 1922 г. на 4-х полосах 1 раз в неделю. Тираж газеты довольно большой — около 1000 экз. [17; 3]. Основные отделы: «Жизнь деревни», «Местная жизнь», «Хроника», «Партийная хроника», «Объявления». Авторы немно-

го, часто они скрываются под псевдонимами, очевидно опасаясь преследований.

Газета «Крестьянский труд» стала трибуной партии в избирательной кампании в Народное Собрание ДВР. В каждом из номеров лозунг: «Граждане! Не лишайте сами себя избирательных прав! Подавайте ваши записки за список партии Социалистов-Революционеров!». По отзывам в читинских партийных меньшевистских и эсеровских газетах альтернативным компартии группам было крайне сложно проводить предвыборную агитацию, в особенности в Верхнеудинске, близком к Советской России.

Отмечая нарушения закона в ходе предвыборной кампании, «Крестьянский труд» пишет: «...Чтобы обеспечить себе нужный порядок, населению следует использовать право районных съездов и на них, взаимно информируясь, спокойно обсудить как нужные кандидатские списки, так и меры к ограждению порядка в течение выборов...» [18; 1]. В каждом номере газета резко нападает на коммунистов. Приоритетный читатель эсеровской прессы — крестьянин, становится объектом ее защиты. «Крестьянский труд» вскрывает нарушения закона и притеснения крестьян коммунистами: «Наша многострадальная труженица деревня никогда еще не переживала такой лихой беды, какую переживает теперь. Всякие паразиты, тнянувшие из деревенского люда соки поодиночке, теперь взялись за извод деревни «коммуной». Вот, что пишут нам про деревенские ком. ячейки. «По получаемым из расспросов жителей деревни сведениям, ком. ячейки состоят из следующего класса граждан: пропойцы, воришки, бывшие спекулянты контрабандисты, таежники и пр. братья, кроме настоящего трудового крестьянина — землероба...» [18; 2].

Газета «Крестьянский труд» ведет полемику с большевистской «Прибайкальской правдой»: «...казенная «Прибайкальская правда» льет грязь, клеветает и лжет на своих недругов, эсеров и меньшевиков и на крестьян, которые не идут за коммунистами. Почему коммунисты лгут? Только потому, что у них нет фактов, им приходится выдумывать, сочинять то, чего никогда не было... Совершенно не нужно никакой лжи и выдумывания, когда есть факты, дела. Взять хоть самих же коммунистов: разве про них выдумаешь то, что они делают?... То, что делается у нас, — невозможно описать пером: это сплошное издевательство над человеческой личностью, над правами человека и гражданина. Душится всякая свобода, затыкается всякий рот, дерзнувший сказать правду. Чем ближе к выборам, тем разнузданней становятся коммунисты. На сходах выставляются пулеметы, разносят крестьянские организации, на предвыборных районных съездах орудуют коммунисты, как бандиты увешанные оружием...» [19; 1]. Отдельные номера газеты арестовывались и изымались предписаниями административного отдела губернии, для чего подбирались официальные основания. Позже недоразумение выяснялось, но упущенное для агитации время и потеря актуальности материалов приносили газете серьезные неприятности.

В типографии Прибайкальского союза кооперативов печатались и другие газеты, как, например, «Прибайкальская кооперация» — издание Объединенного союза кооперативов, выходившая под девизом: «В единении — сила!» [9; 134—135]. В Прибайкалье было немного газет некоммунистических. Их издание здесь представляло собой большие трудности, поэтому местные организации меньшевиков и эсеров часто использовали для пропаганды читинские партийные издания, поступавшие в Верхне-

удинск: «Труд», «Дело», «Наш голос», «Социал-демократ» и др. Рассматривая вопрос о наличии в ДВР разных политических партий и их участии в жизни республики, следует заметить, что, несмотря на декларацию равных возможностей и коалиции в правительстве, реальной коалиции не было. Депутатам правых партий не давали проводить свои проекты в Народном собрании ДВР. Периодическая печать правых социалистов вела неравный бой с коммунистической прессой, получавшей ассигнования из государственного бюджета республики и распространявшейся централизованно. Но сам факт издания альтернативных газет, возможность легальной агитации других политических партий позволяет говорить о печати ДВР, как о поле информационной борьбы различных политических групп.

В октябре 1922 года Дальний Восток был окончательно очищен от белогвардейцев и войск интервентов, а в ноябре ДВР вошла в состав РСФСР. В скором времени вся территория Прибайкальской губернии будет выделена в Бурят-Монгольскую АССР, со столицей в городе Верхнеудинске.

Прибайкалье явилось местом зарождения нового государственного образования — Дальневосточной Республики, Верхнеудинск стал колыбелью официальной печати ДВР. Созданные в Верхнеудинске основные издания ДВР «Дальне-Восточная республика» и «Дальне-Восточная правда» сыграли роль проводников политики правительства и объединяли население огромной восточной окраины в единое целое. Периодическая печать ДВР становится полем информационной борьбы различных политических групп. Информационные ресурсы РКП(б) были самыми крупными, так как они использовали государственные источники финансирования, а также государственные механизмы распространения изданий. В Прибайкалье происходит постепенное слияние правительственного органа «Прибайкалье» и партийного «Красное Прибайкалье» в одну официальную коммунистическую газету «Прибайкальская правда». Она стала фактически организатором жизни и единственным официальным источником информации на местах. Другие партии в ДВР не имели таких привилегий, хотя их издания также выходили в Прибайкалье и серьезными тиражами, потому борьба за политическое сознание масс была неравной. Аресты номеров газет, вешание политических ярлыков в официальной печати ДВР и изданиях РКП(б) не позволяли правой социалистической печати собрать достаточное число сторонников. Об этом свидетельствуют также и тиражи газет. Если большевистское «Красное Прибайкалье» выходило тиражом в 3300 экз., то эсеровский «Крестьянский труд» всего в 1000. Тиражи правительственных газет были также значительными, но ниже партийных — от 400 до 1000.

Партийные издания РКП(б) выгодно отличались от всех остальных большим количеством авторов, местных корреспондентов, а также стремлением привлечь читателей из различных социальных групп: женщин, молодежь, работников профсоюзов. Издания других политических партий имели меньше авторов, которые часто скрывались под псевдонимами. В эсеровской и меньшевистской прессе также были попытки работать с конкретными группами населения, в частности с молодежью, но достаточно слабые.

Газеты Прибайкалья периода ДВР сыграли огромную роль в общественной жизни края как выразители и организаторы общественного мнения и стали основой формирования периодики Бурят-Монгольской АССР.

Пресса Прибайкалья периода ДВР не была темой специального исследования в полном объеме. История прессы Прибайкалья затронута в работах ряда исследователей, но детальное изучение содержания периодических изданий, глубокий анализ их материалов в сопоставлении с событиями, происходившими в Дальневосточной Республике в этот период, сделан в настоящей работе впервые. Результаты исследования, изложенные в статье, представляют новые данные к изучению истории Сибири и Дальнего Востока периода Гражданской войны.

Библиографический список

1. Известия Временной земской власти Прибайкалья: газета. - Верхнеудинск, 1920. 13 марта.
2. История Бурятской АССР: в 2 т. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1954-1959. Т.2. — 398 с.
3. Дондоков Б.Ц. Возникновение и развитие партийно-советской печати в Бурятии (1918 — 1937 гг.) / Б.Ц. Дондоков. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. — 133 с.
4. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ) Ф. Р — 468, Оп. 1, д. 4, л. 10.
5. НАРБ Ф. 292, Оп. 1, д. 9, лл. 17-84.

6. Прибайкалье. 1920. 4 декабря.
7. Прибайкалье. 1920. 28 января.
8. Прибайкалье. 1920. 2 августа.
9. Намжилова Д.Ц. Периодическая печать Бурятии: история становления и развития (вторая половина XIX века — 1937 г.) / Д.Ц. Намжилова. — Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001. — 205 с.
10. НАРБ Ф. 57, Оп. 2, д. 142, лл. 1-2.
11. Красное Прибайкалье. 1921. 6 мая.
12. Красное Прибайкалье. 1921. 7 июня.
13. Очерки истории культуры Бурятии: в 2 т. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972 — 1974. Т.2. — 647 с.
14. Прибайкальская правда. 1921. 25 октября.
15. НАРБ. Ф. Р — 300, Оп. 1, д. 102, лл. 1-181.
16. Прибайкальская правда. 1922. 31 марта.
17. Труд. 1922. 2 июня.
18. Крестьянский труд. 1922. 21 мая.
19. Крестьянский труд. 1922. 11 июня.

ЦЫПЫШЕВА Наталья Васильевна, аспирант кафедры истории России.

Статья поступила в редакцию 07.11.07 г.

© Н. В. Цыпышева

УДК 6143 + 6169 — 036.22 (471.67)

Р. М. МАГОМЕДОВА

Дагестанский государственный педагогический университет

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ДАГЕСТАНА

Статья посвящена истории формирования санитарно-эпидемиологической службы Дагестана, ее роли в ликвидации очагов малярии, уносившей многие тысячи жизней. Исследование этой проблемы идет впервые в исторической науке.

Служба, спасшая жизнь многих людей — детей и взрослых, служба, сочетавшая в себе широкие государственные, инспекционные функции вместе с привлечением общественности, опиравшаяся на нее же.

Наиболее выпукло ее историко-общественная роль и значение вырисовываются на примере таких регионов, как Дагестан, где в прошлом эпидемии многих болезней уносили людей целыми селениями.

Эпидемии малярии были самыми жестокими. В 1903 г. в маленьком городе Петровск было зарегистрировано 7427 больных малярией [13].

Развитие такой крупной эпидемии малярии связывалось с обмелением озера Ак-Гель. В предыдущем году доступ воды в озеро был прекращен, и оно начало высыхать: озеро подверглось, по утверждению Е. И. Козубского (1904), «Медленному гниению и разложению» [2].

В этом же городе в 1905 году количество больных малярией возросло до 15864 человек. Увеличилось количество смертей. По данным Г. Рабинович (1914 г.) умерло от малярии в 1893 — 43, в 1898 — 199, а в 1905 — 448 человек [12].

По свидетельству М. К. Зелец (1907 г.), тяжелое течение приобрела малярия у рабочих на Дербентской

ветви Владикавказской железной дороги. Образовались новые поселки, созданные русскими переселенцами, и они создавали резервы воды, которые превращались в дополнительные анофелогические водоемы, что вызывало благоприятные условия для развития малярийного комара [4]. Эти водоемы Н. И. Новомарьевский (1911 — 1912 гг.) называет «комариными гнездами». Он пишет «... и стоят эти комариные гнезда по много месяцев, то высыхая, то наполняясь опять» [3]. Эти факторы служили дополнительным стимулом усиления эпидемии малярии.

Так было и с другими болезнями. Эти примеры к тому, что в Дагестане, да и по всей России не было государственного органа, занимающегося и организующего санитарное и противоэпидемическое дело. А потребность общественно-государственной организации в этом деле подчеркивали не только врачи.

Для того чтобы сформировалась широкая государственно-общественная структура, противостоящая эпидемической действительности, нужны были иные политические и социальные реалии. Они начали образовываться после революции.

Санитарно-профилактическая работа осуществлялась не только по линии противоэпидемических

мероприятий, но и в коммунальной, жилищной санитарии, обследований и лабораторного контроля водоснабжения и канализации, обследования жилищ, бытовых и социально-культурных учреждений, производств и предприятий по линии санитарно-пищевого надзора.

В мае 1918 г. при Дагестанском облисполкоме организован медико-санитарный подотдел. Он разрабатывал мероприятия по оказанию широкой бесплатной врачебно-амбулаторной помощи. Создана была также санитарная и эпидемическая служба по борьбе за санитарную культуру, предохранение населения от острозаразных заболеваний. Учреждена специальная комиссия, которая снабжала широкие массы рабочих и крестьян популярными медицинскими изданиями.

В сентябре 1918 г. пала советская власть. В период иностранной военной интервенции и Гражданской войны в Дагестане особенно пострадали медицинские кадры и учреждения здравоохранения. В результате врачебно-санитарная деятельность в области совершенно прекратилась, «...уцелевшие больницы перестали вовсе функционировать, эпидемия тифа, малярии, оспы и др. болезни разгуливали свободно и беспрепятственно» — писалось в отчете НКЗ Дагестанской области в 1921 году [7]. После Гражданской войны был образован Дагестанский ревком, созданный при нем отдел здравоохранения возглавил доктор Д. Урусов. Ревком утвердил отличительный знак для медицинского персонала как в воинских частях Дагестана, так и в гражданских управлениях на территории Дагестана — «Красный полумесяц на белом фоне без звезды». Знак носили выше локтя. Тогда же ревком выделил 170 тыс. руб. на оплату оспопрививателей, приглашенных сроком на три месяца, и на содержание медицинского персонала, командированного в Северный Дагестан для оказания медицинской помощи населению. Отделу здравоохранения была передана имевшаяся в распоряжении правительства Дагестана бязь для распределения между медико-санитарными пунктами Дагестана.

24 апреля 1920 г. вышел приказ Революционного комитета Дагестана: «Ввиду острой нужды в медицинском персонале, как для населения, так и для войсковых частей, объявляется: 1. Все медицинские и ветеринарные врачи, фельдшера, сестры милосердия и санитары, проживающие в области, призываются для несения службы в округах и воинских частях Дагестана. 2. Первым днем мобилизации объявлено 25 апреля. 3. Всем призываемым явиться в канцелярию отдела здравоохранения в г. Темир-Хан-Шуре, на Аргутинской, рядом с театром Унрода, к военно-санитарному инспектору с 9 часов утра до 2 часов дня» [6].

25 апреля 1920 г. за подписью военкома Мамедбекова и военно-санитарного инспектора Д. Урусова к указу было сделано дополнение, в котором говорилось, что не явившиеся в срок от 25 по 28 апреля для мобилизации медицинские работники будут преследоваться судом военно-революционного трибунала. Надо заметить, несмотря на столь строгое предупреждение, не все медицинские работники пришли для направления на работу. Об этом свидетельствует приказ от 20 августа 1920 г., изданный через 4 месяца после первого предупреждения. В нем требовалось в трехдневный срок зарегистрироваться в здравотделе всем акушеркам, фельдшерам-акушеркам и массажисткам. Не явившиеся объявлялись дезертирами и подлежали преданию суду военного трибунала.

В это тяжелое для страны и Дагестана время из-за острой нужды в медицинских кадрах было принято

решение с 1 октября 1920 г. открыть при Темир-Хан-Шурином местном лазарете курсы красных сестер и братьев милосердия с трехмесячным обучением [5].

Дагестан к этому времени представлял сельский регион, т.е. в селах проживало 96% населения. Здесь создалось особенно тяжелое положение.

При таком тяжелом положении с медицинскими работниками отдел здравоохранения принял срочные меры по оказанию помощи ему. Для чего были сформированы санитарные отряды. В частности, можно отметить, что 20 апреля в Аварский и Андийский округа выехал отряд медицинских работников в составе 6 человек во главе с врачом Гринбергом. 21 апреля отряд в составе старшего лекпома Гаджи Алхасова и двух лекпомов направляется в Гунибский округ, отряд под руководством старшего лекпома Андрея Гилевича в составе трех лекпомов выезжает в Даргинский округ. Четвертый санитарный отряд, который выехал 21 апреля 1920 г. в с. Карабудахкент, состоял из старшего лекпома Романа Фокина и одного санитаря. За время пребывания в округах медработники провели лечение большого количества больных [1]. Кроме того, медработники проводили собеседование с населением о необходимости и значении соблюдения санитарии.

Положение в сельских округах осложнялось тем, что и так небольшие медицинские учреждения оказались к началу новой власти неспособными к приему больных. Вот что сообщается в письме, направленном Д. Урусовым 27 мая 1920 г. в адрес девяти округов: «Ввиду того что имущество сельских лечебниц расхищено и в ближайшее время не представляется возможным пополнить инвентарь мебелью, прошу ревком принять меры к разыскиванию расхищенных вещей».

Во всех округах числилось всего 68 медицинских работников. Из них 6 врачей, 2 зубных врача, 10 старших лекпомов, 7 сестер милосердия и 2 акушерки [11]. А в таких округах, как Даргинский, Кайтаго-Табасаранский, Самурский, Хасавюртовский, врачей в то время вообще не было. И больницами заведовали старшие лекпомы Гилевич, Фокин, Гудоев, Николаев.

Очень трудной оказалась для новых органов, и в первую очередь санитарно-медицинских служб, проблема создания материально-технической базы здравоохранения. О строительстве новых медицинских объектов в то время говорить не приходилось. В тот период можно было рассчитывать только на то, чтобы постепенно восстанавливать пришедшие в негодность здания медицинских учреждений. В связи с возникновением эпидемии холеры для госпитализации инфекционных больных возникла срочная необходимость в организации, в частности холерных барачков.

Сложнее было с обеспечением продуктами питания больных, оборудованием для больниц, сказывалось отсутствие хозяйственного инвентаря, транспорта.

27 апреля 1920 г. зав. отделом здравоохранения объявил по Дагестанскому ревкому приказ № 6, в котором предлагалось всем жителям г. Темир-Хан-Шуры ввиду острой нужды воинских частей и военнолечебных учреждений, а равно и всего Дагестана, в хирургических инструментах, в первую очередь в термометрах, медикаментах и других подобных предметах, сдать в трехдневный срок вышеуказанное имущество в канцелярию военно-санитарного инспектора Дагестана Д. Урусова [9]. Как видим из самих названий, санитарная служба формировалась на полувоенных, диктаторских методах. Здесь надо отметить, архивный и другой фактический материал под-

водит исследователя к выводу о зарождающейся диктатуре, и что это вытекало из самой жизненной потребности. Все врачи и средний медперсонал как военного, так и гражданского ведомств, имеющие таковые предметы, обязывались составить подробную опись их и доставить таковые в канцелярию для регистрации. Указывалось, что в службе обнаружения вышеуказанного у кого бы то ни было виновные будут подвергаться суду военно-революционного трибунала, а медикаменты, инструменты и другие предметы конфисковаться [8].

Дагестан получал серьезную помощь в организации санитарно-эпидемиологической службы, да и всего медицинского дела от других республик и областей. В начале 20-х годов такая помощь, в первую очередь продуктами питания и медикаментами для учреждений, шла из Азербайджана. В эти тяжелые месяцы 20-го года, несмотря на ограниченные возможности, Дагестанское правительство приняло решение обеспечивать довольствием даже служащих отдела здравоохранения. Об этом свидетельствует постановление правления Дагпрофсоюза Всемедикосантруд от 8 декабря 1920 года. В нем, в частности, говорилось: «А принципиально все служащие и рабочие санитарных учреждений должны пользоваться пищевым довольствием на общих основаниях со всеми гражданами, принимая во внимание то, что если каждый служащий в настоящих *тяжелых условиях* приобретения себе пищи будет самостоятельно заботиться о своем довольствии, то ему *нужно будет отлучаться из учреждения*, затратив на это много времени, что не может не отразиться на ходе работы при данном недостатке штатов, — постановлена как временная мера, выдавать сотрудникам довольствие при лечебных заведениях».

Архивные и другие документальные материалы свидетельствуют о режиме строгой экономии, проводившемся в учреждениях советской власти. Это выражалось в строгом учете денег, расходуемых на различные нужды, ограниченном приобретении оборудования, требования бережного отношения к материальным ценностям, к бумаге, так как на рынке приобрести ее невозможно. Вот характерный пример того времени — §3 приказа № 61 по отделу здравоохранения ревкома от 30 июня 1920 года гласит: «Объявляю строгий выговор и.о. зав. общим подотделом Сазонову А. М. за то, что он поручил написать машинистке удостоверение, не предупредив ее, чтобы она напечатала таковое на восьмушке листа, следствием чего удостоверение было напечатано на четвертушке. При этом объявляю всем заведующим подотделами, что в будущем за непроизводительную трату бумаги буду предавать суду ревтрибунала» [10].

Формирование организации санитарно-эпидемиологической службы Дагестана, происходило при огромной помощи и поддержке центральных органов власти народам Дагестана. В 1924 — 1925 гг. правительство СССР выделило Дагестану 1 176 691 руб. на медицинские нужды.

В 1922 году Декретом Совета народных комиссаров РСФСР было принято постановление «О санитарных органах республики». После этого декрета СНК РСФСР санитарно-эпидемиологическая служба Дагестана начала свое организационное становление.

В 1923 г. Дагестанским правительством было принято постановление «О введении в действие обязательных санитарных правил для городов республики».

Таким образом, в первой половине 20-х годов этапы становления санитарно-эпидемиологической службы в Дагестане по сложности были наиболее трудными, но именно в этот период отчетливо выявилось стремление обеспечить организацию и практическое единство санитарных и противоэпидемических мер и большая заслуга в этом первых санитарных врачей С. М. Казарова, В. Б. Амитаева, Н. А. Усачева.

Библиографический список

1. Голин Я.И. Здравоохранение Дагестана в период становления советской власти / Я.И. Голин. - Махачкала, 1971. - 6-8 с.
2. Зелец М.К. О малярии в Дагестанской области из личных впечатлений и наблюдений. // Практический очерк; - Петроград, 1907. № 35. 19-20. с.
3. Новомарьевский Н.И. Малярия на Дербентской ветке железной дороги / Н.И. Новомарьевский / Отчет по врачебной санитарной части Владикавказской железной дороги за 1910 г. - Петроград, 1910. - 112-113. с.
4. Обзор Дагестанской области. - Темир-Хан-Шура, 1904. - 203. с.
5. Первые советские врачи и ученые-медики Дагестана. - Махачкала, 1971. - 5-6. с.
6. Центральный Государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). фонд. 4-р. Опись.2. дело.51. л.10-11.
7. ЦГА РД. ф. 145. Оп. 1. д.7. л.16.
8. ЦГА РД. ф. 4-р. Оп.2. д. 49. л.35.
9. ЦГА РД. ф. 4-р. Оп.2. д. 51. л.17-18.
10. ЦГА РД. ф. 4-р. Оп.2. д.51. л.50-51
11. ЦГА РД. ф. 4-р. Оп.2. д.51. л.16.
12. ЦГА РД. ф. СИФ. Оп.8891. л.255.
13. ЦГА РД. ф.32. оп.1.д.2.л.5

МАГОМЕДОВА Рисалат Магдибеговна, аспирант кафедры истории.

Статья поступила в редакцию 13.12.07 г.

© Р. М. Магомедова

Книжная полка

История России с древнейших времен до наших дней [Текст] : учебник / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков ; под ред. А. Н. Сахарова. — М. : Проспект, 2007. — 766 с. — ISBN 5-482-01183-6.

Учебник написан с учетом последних исследований исторической науки и современного научного подхода к изучению истории России. Освещены основные проблемы отечественной истории, раскрыты вопросы социально-экономического и государственно-политического развития России, разработана авторская концепция их изучения. Материал изложен ярким, выразительным литературным языком с учетом хронологии и научной интерпретации, что во многом объясняет его доступность для широкого круга читателей. Учебник соответствует государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования РФ.

Для абитуриентов, студентов, преподавателей, а также всех интересующихся отечественной историей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКИХ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКИХ ПРИГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Проблемы российско-казахстанских приграничных отношений являются исключительно актуальными для Омской области, доля Казахстана только во внешней торговле составляет 33%. В этой связи видимое противоречие между необходимостью укрепления границы независимых государств и общностью сопредельных территорий находит свое диалектическое разрешение через углубление приграничного сотрудничества.

Трансграничное сотрудничество, локомотивом которого является сотрудничество России и Казахстана, — новая реалья постсоветского геополитического пространства.

Рождение феномена российско-казахстанского трансграничного сотрудничества обусловлено объективными причинами, уходящими корнями в многовековую историю. Во-первых, традицией добрососедских отношений, неомраченных событиями межнациональной вражды, территориальными спорами, военными столкновениями и т.д. Во-вторых, общностью территорий, входящих в один природно-географический и культурно-хозяйственный ареал. В-третьих, совместным существованием в составе одного государства (в том числе в СССР). Все указанные обстоятельства (даже с учетом культурной и национальной самобытности народов) определили исторические черты идеологической, политической, экономической и культурной однородности, утрата которых, вне всякого сомнения, могла нанести ущерб как России, так и Казахстану.

Высокий интеграционный потенциал сопредельных территорий послужил основанием для рассмотрения приграничной зоны, «как феномен (или систему), имеющий самостоятельное по отношению к сопредельным государствам значение»¹.

Такой теоретический посыл хорошо иллюстрируется статистическими данными за 2000 г. Доля Казахстана во внешней торговле Алтайского края составляла 51 %, Омской области — 33 %, Новосибирской области — 28%, Оренбургской области — 27 %, Челябинской области — 22 %.

С другой стороны, границы в новых политических условиях являются «важнейшим атрибутом государственного суверенитета»².

В этой связи видимое противоречие между необходимостью укрепления границы независимых государств и общностью сопредельных территорий находит свое диалектическое разрешение через углубление приграничного сотрудничества.

Попытка дифференцировать эти реалии могла привести не только к серьезным издержкам в развитии хозяйства и гуманитарной сферы территорий, расположенных вдоль границы, но и существенно повредить общенациональной безопасности. Так, полное обустройство постсоветской границы России и Казахстана обошлось бы, по оценкам военных экс-

пертов, в миллиард долларов США³, что при условии обоюдности такого шага неизбежно нанесло бы ущерб укреплению внешней границы на южных рубежах Казахстана и в связи с этим национальным интересам обеих сторон.

Вместе с тем реальны и вполне ощутимы условия, действующие в противоположном интеграции направлении. Одним из главных факторов, негативно сказывающимся на процессах сближения приграничных территорий, является наркотрафик, вектор которого направлен с юга на север и проходит через территорию Казахстана. Сопоставление товарооборота стран СНГ в 1999 г., исчисляемого суммой в 25 — 30 млрд долл. и стоимости афганского героина, направляемого по «северному пути» (130 — 140 млрд долл.), красноречиво обосновывает точку зрения противников либерализации границ⁴. Ежемесячно на российско-казахстанской границе изымается около 100 кг героина⁵. В связи с этим все настойчивее звучит мнение отдельных чиновников ФПС России о необходимости ужесточения пограничного режима на российско-казахстанской границе.

Другим фактором, отрицательно сказывающимся на политическом климате «пограничья», является незаконная миграция, общая тенденция распространения которой тождественна наркотической угрозе (с юга на север). Незаконную миграцию называют в числе главных проблем жителей российских регионов, граничащих с Казахстаном. В связи с этим идея ужесточения пограничного режима присутствует здесь в общественном мнении. Согласно проведенному в конце 2000 — начале 2001 г. Федеральной пограничной службой социологическому опросу, в 10-ти приграничных регионах 55% респондентов высказалось за полное закрытие российско-казахстанской границы⁶.

Ощутимым препятствием, усиливающим барьеризацию российско-казахстанской границы, в последнее время становится фактор конфессиональной дифференциации. В действиях местных властей прослеживается мотивация, исходящая из стремления аккумулировать население одного вероисповедания с титульной нацией⁷.

Кроме того, практика мировых отношений содержит в себе и другие общие противоречия, присущие в том числе приграничным российско-казахстанским отношениям:

1. противоречие между глобализацией экономики, опирающейся на широкую либерализацию межгосударственных экономических отношений, и протекционистской сущностью государств;
2. культурной унификацией в рамках глобализма и национальной (региональной) культурной идентичности;
3. богатыми (центральными) и бедными (периферийными) странами и районами стран;
4. международно-региональной интеграцией (сотрудничеством стран и их суверенитетом);
5. политическими центрами, стремящимися укрепить или сохранить свое влияние, и подчиненными им территориями, желающими расширения своих прав полномочий и, в частности, в международной сфере.

«По сути дела, эти противоречия можно свести к проблеме соотношения однородности и различий (континуальности и дискретности) в динамике мирового пространства, в которой ключевую роль играют государственные границы и приграничные территории»⁸.

Однако политическая воля России и Казахстана к сотрудничеству способствует разрешению проблем, представляющих предмет обоюдных усилий. Укрепление национальных границ и борьба с глобальными вызовами современности ведет не к эффекту «расползающегося оврага», а к поиску путей решения имеющихся сложностей на основе дальнейшего расширения и углубления приграничного сотрудничества. Например, реализация идеи создания совместных контрольно-пропускных пунктов (высказанная президентом Казахстана на встрече в Челябинске в 2004 г.), безусловно, повысит качество пограничного контроля при улучшении комфортности для лиц, пересекающих границу.

Вполне обосновано в этой связи предложение отдельных военных и политических экспертов о дополнении термина «пограничная безопасность» содержанием понятия «трансграничная безопасность»⁹.

Трансграничная безопасность помимо уже перечисленных аспектов совместной деятельности сопредельных государств включает в себя и координацию действий в контртеррористической борьбе, пресечении преступности и правонарушений, в преодолении экологических и техногенных катастроф и т.д.

Помимо общего исторического прошлого и однородности генерированной совместным существованием в рамках одной страны, российско-казахстанское трансграничное сотрудничество вобрало в себя мировой опыт порубежного взаимодействия, выработанный в Европе. И хотя этот опыт, как уже отмечалось, в значительной степени отражает специфически европейские процессы интеграции, тем не менее именно его тщательное изучение легло в основу выработки общей концепции российско-казахстанского «пограничья»¹⁰.

Первые попытки наладить трансграничное сотрудничество в Европе были предприняты в 1950 г. между приграничными территориями Нидерландов и Германии, а также Германии и Франции для преодоления «эффекта барьера», возникшего в результате исторических процессов на континенте, продолжавшихся в течение столетий. В 60–70-е гг. формировались различные ассоциации приграничных регионов, задачей которых было решение ряда общих проблем.

90-е годы прошлого столетия, которые ознаменовались созданием единого рынка ЕС, а также политическими переменами в странах Центральной и Вос-

точной Европы, расширили и углубили трансграничное сотрудничество. Именно тогда Европейская комиссия разработала специальные финансовые инструменты, которые стимулировали развитие трансграничного сотрудничества внутри ЕС-15, на внешних границах ЕС-15, а также на внешних границах ЕС-25.

Для членов ЕС с 1990 г. реализуется инициатива INTERREG. Для стран-кандидатов с 1994 г. — PHARE CBC (Cross Border Cooperation — трансграничное сотрудничество), а с 1996 г. будущие соседи ЕС начали получать трансферты программ TACIS CBC, CARDS и MEDA. Бюджет INTERREG на 2000–2006 гг. составляет 4,875 млрд евро.

Европейская комиссия выделяет несколько основных задач трансграничного сотрудничества. Это:

- превращение государственной границы из раздельной линии в место сотрудничества между соседями;
- преодоление исторически сложившихся взаимных стереотипов и предрассудков населения, проживающего на приграничных территориях;
- развитие демократии и повышение эффективности региональных и локальных органов государственного управления;
- преодоление последствий периферийного положения и изоляции приграничных регионов;
- интенсификация экономического развития и повышение уровня жизни населения;
- и, наконец, ускоренное включение приграничных территорий в процессы европейской интеграции.

Одним из приоритетов трансграничного сотрудничества является развитие приграничной инфраструктуры, а именно — строительство и модернизация пограничных переходов, дорог и коммуникаций. Степень интегрированности приграничных территорий увеличивается за счет развития приграничной инфраструктуры, которая, в свою очередь, способствует развитию кооперации между фирмами, вузами, органами местного самоуправления, исследовательскими центрами и т.п.

Второй приоритет — экология и охрана окружающей среды. Большинство экологических проблем имеют трансграничный характер, и эффективность решения этих проблем зависит от слаженности действий партнеров по разные стороны границ.

Следующий приоритет — развитие туризма.

В целом проекты трансграничного сотрудничества реализуются во многих областях, включая образование (летние школы, языковые курсы, обмен опытом и т.п.), деловые контакты (бизнес-форумы, семинары, выставки) и культуру.

Несмотря на специфику европейского опыта трансграничного сотрудничества, российско-казахстанское приграничное взаимодействие опиралось на уже имеющийся в международной практике механизм реализации сотрудничества сопредельных территорий. В частности, согласно европейскому опыту функционирования еврорегионов, были созданы рабочие группы сопредельных территорий для решения проблем, представляющих наибольший интерес для данных областей, осуществлялось широкое региональное сотрудничество в гуманитарной сфере.

Вместе с тем российско-казахстанское трансграничное сотрудничество имеет свою специфику. Пока доминирующим фактором углубления трансграничных связей с обеих сторон остается Центр и политическая воля правящей элиты, а не местная инициатива, что, в значительной степени, объясняется особенностью переживаемого странами переходного к рын-

ку периода. Важнейшая роль в российско-казахстанских приграничных отношениях принадлежит межправительственной комиссии и подкомиссии с участием министров двух стран.

При общих задачах, формированием региональных структур внутри ЕС и в постсоциалистических странах отличается. Если для западноевропейских стран приоритетом является улучшение развитой многоуровневой системы взаимоотношений, то для России и Казахстана главная цель — восстановление сотрудничества всех уровней на постсоветском пространстве. Существенно отличаются уровень рыночных отношений и стартовые условия взаимодействия на межгосударственном и региональном уровнях, состояние нормативно-правовой базы и исходной инфраструктуры.

Одной из главных проблем российско-казахстанского приграничного сотрудничества остается финансирование. Нехватка средств, проблемы с их получением и эффективным распределением препятствуют развитию деловых и культурных отношений в приграничных районах.

Понятия, связанные с приграничным сотрудничеством, имеют приблизительно тождественную трактовку в международных отношениях и являются адекватными практике российско-казахстанских отношений.

Трансграничное сотрудничество осуществляется в рамках территориально-административных единиц или в пределах полномочий региональных властей в соответствии с местным законодательством»¹¹.

Определение, данное в «Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации» (09.02.2001), трактуется следующим образом: «Под **приграничным сотрудничеством** в Российской Федерации понимаются согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, направленные на укрепление взаимодействия Российской Федерации и сопредельных государств в решении вопросов устойчивого развития приграничных территорий»¹².

Важно отметить, что использование опыта функционирования еврорегионов позволило определить в российской правовой базе существо таких важных понятий как сотрудничество приграничных регионов (согласованные действия органов государственного управления, хозяйствующих субъектов, общественных организаций и населения сопредельных стран, направленные на укрепление и развитие отношений) и традиционной хозяйственной деятельности (исторически сложившаяся в течение длительного времени деятельность приграничного населения и хозяйствующих субъектов сопредельных государств»¹³.

Важнейшим правовым документом, регулирующим приграничное и трансграничное сотрудничество в регионах Европы, является «Европейская хартия пограничных и трансграничных регионов», принятая 20 ноября 1981 г. и обновленная дополнениями 1 декабря 1995 г. В преамбуле этого документа сказано: «Границы есть «шрамы истории». Приграничное сотрудничество помогает уменьшать неудобства границ, преодолевать отдаленное национальное местоположение и улучшать условия жизни населения. Это должно включать все сферы жизни: культурную, социальную, экономическую, инфраструктурную. Знание и понимание соседей столь же важно, как и развитие доверия»¹⁴.

Анализ этого основополагающего документа явился основой выработки концепции развития политико-

правовой базы российско-казахстанского сотрудничества. Особый интерес и практическую значимость для реализации последнего имеет 4-я глава документа, определяющая механизм осуществления трансграничного сотрудничества:

- постоянный контроль трансграничного планирования путем социально-экономического анализа;
- регулярная трансграничная координация всех региональных проектов;
- развитие и непрерывное обновление блока проблем пограничных районов;
- развитие региональных трансграничных моделей развития и планов и их интеграция в национальное региональное развитие и опытное планирование;
- развитие общих международных региональных планов с прямыми обязательствами как самой широкой формы регионального трансграничного планирования;
- местное трансграничное планирование. В первом случае все планы должны быть выровнены;
- трансграничное выравнивание и участие в важных мерах и средствах обслуживания регионального планирования и региональной политики;
- постепенное выравнивание региональных и политических инструментов в содействующих пограничных районах;
- взаимное вовлечение граждан, муниципалитетов и пограничных районов в соответствующее месту планирование и меры.

Интересны в этом смысле выводы, сделанные в Хартии, которые в полной мере применимы и в приграничных отношениях России и Казахстана. Их смысл заключается в том, что любые межгосударственные и международные связи не должны превращать приграничные регионы в простые транзитные территории. Расширение инфраструктур движения должно, в первую очередь, учитывать интересы населения, проживающего в приграничье, а также строго соблюдать условия защиты окружающей среды. Главное требование раздела — «проект инфраструктуры движения может создаваться только с равным участием пограничных заинтересованных областей».

Положения Хартии, использованные в практике российско-казахстанского сотрудничества, содержат указания на средства достижения результативности в пограничном взаимодействии. Это:

- развитие приграничного сотрудничества между малыми и средними компаниями;
- развитие новых приграничных отношений между производителями и поставщиками (старые индустриальные структуры разрушены, а новые пока еще не развиты). (Здесь очевидна аналогия с современным состоянием казахстанско-российских приграничных связей, когда после развала СССР разрушились крепкие технологические контакты);
- создание предварительных условий (учреждения, преподаватели, планы преподавания) для изучения языка соседней страны во всех видах школ;
- содействие профессионально-техническому приграничному обучению и подтверждению соответствующих национальных квалификаций;
- развитие приграничных концепций укрепления туризма как местного экономического фактора и т.д.

Примечания

¹ Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России. — М., 2000. С. 108.

² Вардомский, Л.Б., Голицина, И.И., Самбунова, Е.Н. Государственные границы и региональное развитие: политико-географический аспект // Политическая география: современное состояние и пути развития. — М., 1989. С. 35—46.

³ Рубан, О. Безграницные просторы Отчизны // Эксперт. — 2001. — № 97. — 51.

⁴ Куртов, А.А. Наркомафия и исламский экстремизм — новый тандем в Центральной Азии // Границы безопасности и безопасность границ. — Челябинск, 2001. С. 53—55.

⁵ Независимое военное обозрение. — 2001. — № 1. С. 36.

⁶ Человек и граница. Российско-казахстанское приграничье. Социальный паспорт и одномерные статистические распределения. — Челябинск, 2001. С. 53, 54.

⁷ Известия. — 2001. — № 56. — 7.

⁸ Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России. С. 216.

⁹ Основы пограничной политики Российской Федерации. — М., 1996. С. 5.

¹⁰ Опыт европейского трансграничного сотрудничества являлся предметом обсуждения на многих российско-казахстанских встречах и конференциях. См., например: Международная конференция «Приграничное сотрудничество: опыт, проблемы и перспективы». — Оренбург, 28—29 февраля. 2000; доклад Питера

Ван Руна, эксперта Проекта ТАСИС EDRUS9602 «Европейский опыт международного приграничного сотрудничества»; Кулешов, А.К. Международный опыт функционирования еврорегионов.

¹¹ Европейский союз вчера, сегодня, завтра. — М., 2003. С. 272.

¹² Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации // Правительственный вестник. Февраль. 2001.

¹³ О ратификации соглашения об основных принципах приграничного сотрудничества государств — участников Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. Закон Российской Федерации от 29 марта 1996 // Правительственный вестник. — 1996. — Март.

¹⁴ Европейская хартия пограничных и трансграничных регионов // Экспресс-информация Отдела информационно-аналитической работы Парламента Республики Казахстан. — Астана, 2003. С. 2.

КОЦЮБИНСКИЙ Игорь Петрович, проректор по безопасности, аспирант кафедры «История».

Статья поступила в редакцию 10.01.08 г.

© И. П. Коцюбинский

УДК 902

В. К. МЕРЦ

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Республика Казахстан

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ГОЛОЦЕНОВЫХ КОМПЛЕКСОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

В статье автор описывает результаты исследования голоценовых комплексов многослойной стоянки Шидерты, представленных в вертикальной последовательности, от раннего мезолита до энеолита и ранней бронзы включительно, а также представляет все основные этапы развития каменных индустрий в регионе. Которые позволяют на основании стратиграфии памятника установить не только их периодизацию, но и решить проблемы хронологии каменных индустрий всего Северного и Центрального Казахстана, а также соседних регионов.

Первые находки каменных орудий голоценовой эпохи на территории Северо-Восточного Казахстана были сделаны еще в начале XX века. В 1916 году А. С. Сорокиным собрана коллекция каменных орудий на оз. Шарбакты, затем в 1926 году, П. А. Дравером в окрестностях Баянаула обнаружены неолитические стоянки и наскальные рисунки [1. с. 231—234; 2. с. 40—43]. С тех пор по каменному веку региона была накоплена значительная информация: в 1955 году обнаружен Железинский неолитический могильник [3. с. 35—36], затем открываются голоценовые памятники на трассе канала Иртыш—Караганда в окрестностях озер Кудайколь, Карасор и в долине р. Шидерты [4. с. 66—69; 5. с. 26—27]. В 1970 году Л. А. Чалой проводятся первые раскопки неолитических стоянок Пеньки 1 и 2 [6]. В 1976 году Л. А. Гайдученко открывает неолитическую стоянку у с. Тлектес [7] и ряд других памятников, но систематическое изучение голоценовых памятников начинается лишь с организацией в 1988 году Павлодарской археологи-

ческой экспедиции [8]. Лишь работы последних двух десятилетий позволили систематизировать накопленную информацию, разобраться в порядке формирования комплексов каменных индустрий в регионе, перенести их результаты на более широкую территорию и сделать некоторые уточнения в хронологии и периодизации каменных индустрий всего Северного и Центрального Казахстана.

Наиболее сложным является вопрос, связанный с исследованием мезолитических комплексов региона, как относящихся к одному из малоизученных периодов каменного века Казахстана. Проблема изучения мезолита волновала многих казахстанских исследователей [9—11], но в науке до сих пор нет ясного представления об этом переходном периоде из-за низкой интенсивности работ, проводимых в этом направлении. Проблематичным являлось и наличие самих мезолитических объектов на территории Казахстана, так как возраст ряда комплексов, отнесенных к мезолиту, вызывает сомнение.

Изменения в сложившуюся ситуацию позволило внести изучение многослойной стоянки Шидерты 3 — уже хорошо известного в науке многослойного памятника каменного века, расположенного в среднем течении одноименной реки, на стыке Северного и Центрального Казахстана, территорию которых, до г. Караганды, мы предлагаем называть Северной Сары-Аркой. Этот памятник содержит остатки множества различных индустрий мезолита — энеолита, неоднократно освещавшихся в различных изданиях [12–19]. Наиболее ранние — мезолитические материалы получены из 6 — 4 слоя стоянки, и отражают, по-видимому, как начальный, так и завершающий этапы этой переходной эпохи [17 — 19], последний, видимо, является переходным от мезолита к неолиту [18].

Это стратиграфически закрытые комплексы, занимающие в разрезе памятника наиболее нижние позиции, где чередуются стерильными прослойками суглинистой погребенной почвы и слоем суглинка, перекрытых сверху отложениями атлантического периода, содержащими весь спектр культурных напластований эпохи неолита и энеолита. Разрез памятника содержит серию погребенных почв (А–Г), отражающих основные палеоклиматические колебания голоцена, последовательность развития и геохронологию каменных индустрий, существовавших в регионе от позднеледникового до суббореала. В связи с этим, исследование памятника приобретает особое значение для решения проблем, связанных как с изучением мезолита, так и с периодизацией и хронологией голоценовых комплексов региона в целом.

В настоящее время из раннеголоценовых комплексов стоянки получена большая коллекция, насчитывающая несколько тысяч предметов. Наиболее ранние материалы слоя 6 приурочены к поверхности светло-коричневого суглинка, линзам дресвы и песка, перекрытых стерильным слоем темно-коричневой суглинистой почвы «Г». Индустрия представлена в основном коническими и призматическими нуклеусами, есть торцовые и клиновидные формы с фасетированной ударной площадкой и тщательно обработанным килем, множество сечений и целых микропластин без вторичной обработки. В качестве орудий использовались преимущественно медиальные сечения микропластин. Крупные и средние пластины длиной 1,5 — 5 см с ровными краями, усеченной дистальной частью или притупленным торцом, применялись, вероятно, в качестве ножей или вкладышей. Геометрические микролиты — мелкие симметричные трапеции и пластинки с выемкой на торце [17, рис. 1; 19, рис. 1]. Одна из них — высокая, классической симметричной формы, размером 1,2г1,4 см — имеет тщательно обработанные, слегка вогнутые торцы.

Особенно интересна в этом комплексе группа резцов, выполненных на крупных пластинах с ретушированным вогнутым торцом, по углам и сбоку которых производились резцовые сколы. Имеются проколки, концевые скребки на пластинах. Множество изделий на отщепах, среди них есть комбинированные орудия с несколькими рабочими частями различного назначения. Скребки в основном с крутым лезвием высокой формы, в том числе двойные, имеются скребла, зубчато-выемчатые орудия. В слое обнаружены жилые и производственные площадки с очагами, ретушерами, отбойниками и наковальнями, крупные камни, которые могли являться остатками конструкции наземного жилища типа шалаша или чума, клады каменных орудий и заготовок (17, с. 147), в которых преобладают грубые отщепы и сколы, не имеющие производственного значения для микролитической

индустрии. В качестве сырья использовалась в основном серая и светло-желтая кремнисто-глинистая окварцованная порода, реже кремень и яшма. Фауна представлена редкими обломками трубчатых костей, зубами лошади и сайги. Вероятно, это был охотничий лагерь или временное стойбище. Стратиграфических изменений в слое не отмечено, поэтому все хозяйственные процессы, видимо, носили наземный характер.

Комплекс предметов, полученных из этого слоя, вероятно, отражает время появления здесь первых носителей культуры геометрических микролитов мезолитической эпохи, которое могло относиться к периоду, следующему за позднеледниковьем, так как образование суглинка, на поверхности которого они поселились, связано с началом субэральной стадии формирования террасы. Поэтому данный комплекс, представляющий особый тип микролитической индустрии с геометрическими формами, являющимися пока единственными на территории региона, происходящими из стратиграфически закрытого комплекса, вместе с аналогичными ему, мы предлагаем рассматривать как наиболее древние для голоцена Северной Сары-Арки и датировать ранним мезолитом, не позднее 10 тысяч лет назад. На основе данного комплекса и его геохронологического положения в разрезе памятника, также предлагаем выделить для этого региона раннемезолитический тип индустрии. Сопоставимы с ним могут быть лишь некоторые материалы стоянки Убаган III, полученные из раскопа. Они имеют общее сходство по облику индустрии и некоторым типам орудий. Материалы нижнего слоя стоянки Виноградовка II, на наш взгляд, если и являются мезолитическими, то, вероятно, отражают лишь самую позднюю его стадию. В связи индустрии слоя 6 с другими раннеголоценовыми комплексами региона, ввиду их слабой изученности, мы не видим, и придерживаемся идеи его миграционного происхождения, связанного с приходом носителей культуры геометрических микролитов.

Следующий период развития каменных индустрий региона отражают материалы слоя 5, размещенные поверх погребенной почвы «Г», в основании светло-коричневого суглинка. Они представлены клиновидными и торцово-клиновидными формами нуклеусов с фасетированной ударной площадкой и тщательной обработкой латералей. Среди изделий — масса коротких неправильных пластин без вторичной обработки и большое количество скребков на отщепах различных форм и огранки лезвий, а также зубчато-выемчатые орудия [19, рис. 2]. Ретушированные по краям отщепы использовались, видимо, как ножи, наравне с пластинами. Имеются целые проколки на тонких приостренных ретушью концах микропластинок и более крупных изделий с выделенным притупляющей ретушью рабочим концом. Резцы представлены единичными экземплярами. На крупных пластинах также делались концевые скребки с округлым лезвием, вентральной и дорзальной ретушью по краям. В слое часто попадаются ретушеры и отбойники из галек и окатышей удлинённой формы, нет очагов и следов каких-либо конструкций, мало фаунистических остатков. Это такой же обитаемый горизонт, как и слой 6, от которого он отделен стерильной прослойкой. В качестве сырья здесь использовался в основном опаловидный кремень янтарно-желтого цвета, или халцедон, а также кварциты и яшмо-кварциты, т.е. неоднородное приносное сырье.

В комплексе мало культуроопределяющих типов изделий и форм, которые значительно отличаются

от индустрии слоя 6, и найти аналогии им очень сложно. Некоторое сходство, на наш взгляд, он имеет с материалами стоянки Акимбек, рассматриваемыми на основе их микролитичности и стратиграфического положения в разрезе памятника как мезолитические [12]. Но большое количество микропластин характерно и для неолитических материалов слоя 2а стоянки Шидерты 3 [16, с. 25]. Поэтому материалы Акимбека могут оказаться как мезолитическими, близкими по возрасту слою 5, на что у нас есть некоторые надежды, так и неолитическими. Преобладание в индустрии слоя 5 клиновидных нуклеусов позволило предварительно отнести ее к кругу культур сибирско-монгольского типа.

Сравнив материалы и условия геологического залегания 5-го и 6-го культурных слоев, мы можем сделать вывод о том, что они существовали в сходных палеоэкологических условиях периода, связанного с этапами чередования резкого изменения климата, приведшего к образованию раннеголоценовой почвы «Г», которая является стерильной прослойкой. Это может означать, что в период ее формирования на стоянке были условия, неблагоприятные для проживания человека, вероятно, холодного и влажного климата, которые могут быть связаны с концом пребореального периода в интервале 9,8–9,3 тыс. лет назад. Тогда время существования слоя 5 может быть связано с началом бореального периода и наступлением прохладного, но сухого климата около 9,3–9 тыс. лет назад [20, с. 153].

Полученные материалы показывают, что в эпоху мезолита на территории региона существовало две группы населения, сочетающие местные технические традиции и привнесенные сюда мигрантами. Откуда? Пока не совсем понятно, но так как они использовали геометрические орудия, которые впервые появляются в культурах Ближнего Востока еще в конце эпохи палеолита примерно одновременно с приручением первых животных, и встречаются как свидетельства производящей экономики, постепенно распространившейся вместе с ними на большей части Евразии, то не исключено, что эти специфические орудия принесли сюда пастухи, а не охотники, как принято считать. Только пастушеские племена могли передвигаться на большие расстояния и так быстро заселить территорию всей Европы и степную зону Азиатского материка. Подобные идеи развивали и другие исследователи [21], но пока они носят гипотетический характер.

В связи с этим перед казахстанскими исследователями стоит нелегкая задача по выявлению и изучению новых, еще более информативных мезолитических памятников, содержащих свидетельства не только производственной деятельности, но и духовной культуры, образцы мезолитического искусства и погребения, связанные с культовой практикой. Только тогда можно будет говорить о том, что эпоха мезолита, представляющая важнейший этап древней истории страны, всесторонне изучена на территории Казахстана.

В верхней части светло-коричневого суглинка, перекрывающего прослой почвы «Г», залегают остатки слоя 4, индустрия которого существенно отличается от материалов 5 и 6 слоя и представляет, видимо, уже переход от позднего мезолита к неолиту. Орудия данного комплекса выполнены в основном из желтого и вишневого яшма-кварцита, коричневого и светло-зеленого кремня. Здесь появляются конические и карандашевидные нуклеусы для микропластин, вторичная обработка которых применялась редко, чаще все-

го она присутствует на сечениях крупных или неправильных пластин в виде боковой вентральной и дорзальной ретуши, которые использовались, вероятно, в качестве боковых скребков и скобелей. Концевые скребки на пластинах с боковой ретушью по краям, проколки-развертки, нуклеидные резцы, долотовидные орудия, скребла. Геометрические микролиты представлены симметричными широкими и узкими трапециями. Их происхождение мы связываем с населением, пришедшим из юго-восточного Прикаспия [18].

Культурные остатки раннего неолита приурочены к основанию погребенной почвы «В», перекрывающей светло-коричневый суглинок с находками слоя 4. Впервые для раннего неолита здесь были получены немногочисленные образцы круглодонной керамики. Поверхность фрагментов имеет черный цвет без орнамента, стенки венчика — прямые. В коллекции имеются мелкие абразивы из песчаника с поперечными желобками, каменный топор, отбойники и ретушеры из галек, мотыги с боковыми выемками, крупные скребла на плитках.

Кремневая индустрия представлена коническими, призматическими, плоскостными и клиновидными нуклеусами для ножевидных пластин. В целом характер индустрии — пластинчатый, средняя ширина заготовок — 1–1,2 см. Орудия на пластинах представлены сечениями с вентральной ретушью по одному или двум краям, реже с мелкой дорзальной ретушью по краю, пластинками с притупленным краем, с ретушированной угловой выемкой, с выделенной головкой, скошенными остриями и асимметричными трапециями, трапецевидными и прямоугольными сечениями с ретушированным торцом и без вторичной обработки, а также, немногочисленными резцами на пластинах [16, рис. 2; 17, рис. 2]. Скребки выполнены на отщепках и пластинчатых сколах, имеются скребла и ножи на крупных отщепках.

Аналогичные материалы раннего неолита выявлены на стоянке-мастерской Экибастуз 18, где они представлены в основном нуклеусами и их заготовками [22], на ряде местонахождений южного берега озера Кудайколь, на стоянке Нурманбет 1 [23]. В целом этот комплекс близок материалам мезо-неолита Северного Казахстана со стоянок Тельмана 7, 8, 9, 14 и других [9]. В культурном плане эти материалы очень близки раннему неолиту Хорезма и Среднеазиатского Междуречья, в материалах которого еще отсутствуют асимметричные наконечники стрел [16, с. 28–29]. Это — стоянки Джанбас 4 (нижний слой), Джанбас 31, Кават 5, Кунак 1, Учачи 131 и др. [24, с. 149; 25, с. 70]. В этом слое памятника значительное место занимают также плоскостные нуклеусы, отсутствующие в мезолитических комплексах. Этот тип нуклеусов является основным для южного неолита и, по-видимому, может считаться этнографическим признаком среднеазиатских племен эпохи неолита. Появление подобных форм в Центральном Казахстане может рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу южного происхождения Центрально-Казахстанского неолита, представленного индустрией данного типа.

Материалы среднего неолита в разрезе Шидерты 3 приурочены к гумусированному суглинку, размещенному между погребенными почвами «В» и «Б» [16, с. 24–26]. Они представлены некой микроиндустрией с коническими нуклеусами, большим количеством микропластинок с вторичной обработкой в виде вентральной ретуши по краю и торцу, конвергентной ретушью на дистальных сечениях, дорзальной ретушью по краям, пластинками с притупленным

краем, угловыми ретушированными выемками на дорзальных сечениях, дистальными сечениями с мелкой краевой ретушью и регулярной конвергентной ретушью на мелких и средних пластинах массивной формы, угловыми резцами на сечениях пластин с ретушированным торцом и краями, срединными на крупных ретушированных пластинах [16, рис. 1. 1 — 34], наконечниками стрел на пластинах и мелких отщепках с двусторонней обработкой и выемкой в основании. Некоторые аналоги этому комплексу мы находим на стоянке Нурманбет 1, Мичурино 2 [23, 27] и на ряде стоянок южного берега оз. Кудайколь. В целом его можно сопоставить с комплексами стоянок Тельмана 1, 10 и другими аналогичными индустриями [26], и так же отнести его к атбасарской культуре. Кроме того, он имеет вполне определенное сходство с оюклинскими комплексами Северо-Восточного Прикаспия [28]. Весь этот выразительный микролитовидный комплекс залегает единым горизонтом, и как бы нарушает логику развития неолитических индустрий своим микролитическим обликом. Охарактеризовать керамику данного комплекса пока сложно из-за ее малочисленности и невыразительности, можно лишь отметить, что это тонкостенные фрагменты черного или коричневого цвета без орнамента с прямым венчиком, на одном из них имеются отщипки в виде гребенчатой качалки.

Следующий культурно-хронологический комплекс каменных орудий, приуроченный к погребенной почве «Б» и её поверхности, представлен, напротив, массивными пластинами шириной от 1,5 до 2 см и изделиями из них: концевыми и боковыми скребками с регулярной ретушью по краям, диагональными резцами, наконечниками стрел на пластинах и двусторонне обработанными на отщепках подтреугольной формы с выемкой в основании, вкладышами на пластинах с широкой чешуйчатой ретушью с двух сторон [16, рис. 3. 35 — 46; 17, рис. 3], характерных для комплексов позднего неолита — раннего энеолита юго-западного Алтая [29] и Казахстанского Правобережного Прииртышья. В частности, это стоянки Пеньки 1 и Шарбакты 1 в Павлодарской области, где эти изделия представлены более полно и многообразно [4, 16, 17]. Керамика представлена единичными фрагментами с горизонтальными линиями и насечками по венчику. В целом комплекс может характеризоваться как поздненеолитический.

Энеолитические материалы стоянки, представленные отщепной индустрией, приурочены к гумусированному суглинку, размещенному между погребенными почвами «Б» и «А». Среди орудий — большое количество скребков, скребел, ножей на отщепках и плитках, крупных и мелких бифасов, наконечников копий и дротиков, мелких наконечников стрел с выемкой в основании, двусторонне обработанных вкладышей прибайкальского типа. Есть костяные вкладышевые орудия, утюжки, абразивы, отбойники, накопальни, песты, рубящие орудия и мотыги, керамика круглодонная и плоскодонная слабо орнаментирована [12, 13, 15]. Аналогии данному комплексу находят в материалах поселения Усть-Нарым и новой стоянке Нурбай 2, обнаруженной в Бескарагайском районе Восточно-Казахстанской области, у с. Семиярка, [30] вместе с которой они, видимо, образуют единый пласт энеолитических памятников.

В гумусированном суглинке и современном почвенном слое, размещенном над погребенной почвой «А», залегают нерасчлененные материалы позднего энеолита — ранней бронзы, отражающие завершающий этап развития каменных индустрий Павло-

дарского Прииртышья, формирование которых постепенно прекращается с появлением металла и макроиндустрий. Они представлены как материалами энеолитического комплекса стоянки Шидерты 3, так и рядом памятников южного берега оз. Кудайколь и Экибастузского археологического комплекса. Прежде всего стоянки Экибастуз 17, материалы которой отражают, видимо, уже эпоху ранней бронзы и сочетают в своем комплексе бифасные макроформы, плоскодонную керамику и бронзовые изделия [31]. Они свидетельствуют о том, что, несмотря на наличие бронзовых изделий, в этот период населением Северного и Центрального Казахстана широко использовались каменные орудия. Это позволяет сделать некоторые выводы по решению очень важной проблемы в изучении памятников каменного века Экибастузского региона, отличающихся рядом специфических черт. Наличие здесь огромных по площади разновременных стоянок-мастерских по изготовлению каменных орудий труда, приуроченных к выходам качественного сырья, затрудняет датировку некоторых комплексов и отдельных предметов, так как весь материал находится в поверхностном залегании, что не дает возможности определения его возраста. На таких памятниках, как правило, нет другого сопутствующего археологического материала: костей, керамики, очагов, хозяйственных ям, остатков жилищ, необходимых для определения хронологии и культурной принадлежности остатков каменной индустрии, залегающих на поверхности выходов коренных пород [32].

В данном случае мы имеем возможность получить ответы на эти вопросы, так как стоянка представляет собой поселенческий комплекс, жилые площадки со следами производственной деятельности по изготовлению каменных орудий, являвшихся попутным занятием ранних скотоводов, связанным с обилием в этой местности каменного сырья. Поэтому основная часть инвентаря представляет цельный комплекс каменных изделий, сосредоточенных на определенной площади и относящихся к одному периоду. В комплексе с ними идет очень необычная керамика, представленная плоскодонными баночными сосудами с формованными валиками на шейке, вдавлениями над ними и нарезным геометрическим орнаментом в виде зигзагов или заштрихованных треугольников. Тулово сосудов сплошь покрывалось орнаментом в виде гребенчатой качалки, отступающей гребенки, наколов и пересекającychся геометрических фигур, выполненных гладким штампом в виде ромбической сетки [31].

Таким образом, исследования голоценовых комплексов многослойной стоянки Шидерты, представленных в вертикальной последовательности, от раннего мезолита до энеолита и ранней бронзы включительно, представляют все основные этапы развития каменных индустрий в регионе. Они позволяют на основании стратиграфии памятника установить не только их периодизацию, но и решить проблемы хронологии каменных индустрий всего Северного и Центрального Казахстана, а также соседних регионов. Поэтому результаты исследований, проведенных на памятнике, выходят далеко за пределы локального значения, так как имеют большое значение для определения хронологии большинства синхронных комплексов.

Библиографический список

1. Драверт П.Л. Грот с писаницей на оз. Джасыбай в окрестностях Баянаула // Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Т. 7, Омск, 1930, с. 231-234.

2. Матвеев А.В. Материалы Павлодарского Прииртышья в коллекции археологии Омского государственного историко-краеведческого музея // История, археология и этнография Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 1999, с. 40-44.
3. Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчёт Павлодарской археологической экспедиции 1955 года. Труды ИИАЭ АН Каз ССР, т.7.
4. Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки 1,2 // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 163-181.
5. Аубекеров Б.Ж., Чалыхьян Э.В. Кайнозой зоны канала «Иртыш-Караганда». Алма-Ата, 1974.
6. Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата, 1982. 64 с.
7. Гайдученко Л.Л. Неолитическая стоянка Телектес в Павлодарской области. СА № 2, 1979, с. 235-239.
8. Мерц В.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологических памятников Павлодарского Прииртышья // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, ЭКО, 2002. - С. 5-20.
9. Зайберт В.Ф., Потемкина Т.М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // СА. 1981, № 3, с. 107-129.
10. Логвин В.Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит — энеолит), Алма-Ата, 1991. 64 с.
11. Чиндин А.Ю. Относительная хронология кремневого инвентаря поселения Акимбек // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана, Караганда, 1989, с. 12-19.
12. Мерц В.К. Раскопки на стоянке Шидерты 3 // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992, с. 24-26.
13. Мерц В.К. О происхождении комплексов прибайкальского типа в энеолите Казахстана // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994, с. 39-42.
14. Мерц В.К. Проблема изучения неолит - энеолитических памятников Северо-Восточного Казахстана // Проблемы неолита - энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999, с. 99-107.
15. Мерц В.К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002, с. 75-102.
16. Мерц В.К. Об изучении голоценовых комплексов Северо-Восточного Казахстана // Известия НАН РК, серия общественных наук, № 1, 2004, с. 23-33.
17. Мерц В.К. Основные результаты изучения памятников каменного века Северо-Восточного Казахстана // Вестник КазНУ. Серия историческая, Алматы, 2006, № 2 (41), с. 147-153.
18. Мерц В.К. Индустрия четвертого слоя стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар, 2006, с. 10-23.
19. Мерц В.К. Мезолитические комплексы стоянки Шидерты 3 // Вестник КазНУ. Серия историческая, 2007. - № 1(44). - С. 108-110.
20. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Азии. М., 1977.
21. Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976. 368 с.
22. Мерц В.К. Палеолитическая мастерская, Экибастуз 18 // Палеоэкология Сибири. Тезисы докладов XXX РАЭСК. Иркутск, 1990, с. 37.
23. Мерц В.К. Работы на стоянке Нурманбет 1 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995, с. 42-47.
24. Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968, 180 с.
25. Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М., 1981, 173 с.
26. Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург, 1992, 222 с.
27. Мерц В.К., Ткачев А.А. Неолитические материалы могильника Мичурино 2 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998, с. 34-38.
28. Астафьев А.Е. Оюклинская неолитическая культура полуострова Мангышлак // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 4. Уральск, 2005, с. 103-146.
29. Кирушин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка 1 // Археология и этнография Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1984. - С. 25-38.
30. Мерц В.К. Новые материалы по энеолиту и ранней бронзе Северо-Восточного Казахстана // Новые исследования по археологии Казахстана — Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения 15». Алматы, 2004, с. 165-169.
31. Мерц В.К. Охранные раскопки стоянки Экибастуз 17 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Материалы региональной научно-практической конференции. Вып. XIV, Барнаул, 2005, с. 131-138.
32. Мерц В.К. О памятниках Старо-Экибастузского археологического комплекса // Наследие академика А.Х. Маргулана // Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 100-летию юбилею ученого. Экибастуз, 2004. С. 141-153.

МЕРЦ Виктор Карлович, директор Объединенного археологического научно-исследовательского центра.

Статья поступила в редакцию 11.01.08 г.
© В. К. Мерц

Книжная полка

Отечественная история новейшего времени, 1985–2005 гг. [Текст] : учеб. для вузов по специальности 030402 «Историко-архивоведение» и направлению 030400 «История» / А. Б. Безбородов [и др.]; под ред. А. Б. Безбородова ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — М. : Изд-во РГГУ, 2007. — 803, [1] с. : табл. — Библиогр.: с. 722 — 724. . — ISBN 5-7281-0573-4.

В данном учебнике прослеживается история последних лет существования Советского Союза и начало истории современной России. Анализ событий охватывает период предпосылок реформ М. С. Горбачева и их реализации в 1985–1991 гг., что позволяет глубже и детальнее осмыслить историю реформирования российского государства в 1990–2000 годы. Попытки советского руководства осуществить перестройку государства и общества в рамках социалистической системы рассматриваются как ответ на вызовы времени, глобализацию мировых процессов, а становление новой российской государственности — как сложный путь вхождения в мировое пространство, обусловленный внутренними и внешними факторами. Учебник создан на основе новейших исследований, документальных публикаций и мемуаров, что позволило ее авторам поставить новые темы, которые ранее не освещались или мало освещались в учебной литературе, многоаспектно интерпретировать события недавней истории.

Учебник предназначен для студентов вузов исторических и политологических специальностей, а также для всех интересующихся историей России.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ КАЗАХОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

На основании проведенных исследований выявлены схожие тенденции и различия в национальных установках казахского населения приграничных территорий. Рассмотрены этнокультурные связи и заимствования казахов. Установлен уровень толерантности национальных установок казахского населения приграничных территорий.

В данной работе был проведен сравнительный анализ национальных установок казахского населения приграничных территорий. Основным используемый материал, послуживший базой для проведения данного рода исследования, является проведенный нами этносоциологический опрос на территории Западной Сибири и Северного Казахстана. Этносоциологический опрос проводился в течение 2003–2006 гг. в г. Омске, Алтайском крае, Новосибирской, Омской и Тюменской областях, в г. Кокшетау, Уалихановском районе Северо-Казахстанской области. Всего было опрошено 2176 человек. Следует отметить, что материал, приводимый в данной работе, впервые вводится в научный оборот.

Рассматривая национальные установки казахов Западной Сибири, мы установили, что 82,8 % респондентов общаются с представителями казахской национальности. Например, 56,2 % респондентов отметили казахов в качестве соседей, 76,3 % — в качестве друзей, 30,0 % — в качестве коллег по работе и учебе. При сравнении данных, полученных на территории Западной Сибири, с данными, полученными на территории Северного Казахстана, мы не выявили различий в национальных установках казахов исследуемых регионов. Сохраняется тенденция предпочтения в общении с представителями своей национальности. Например, 77,2 % респондентов Северного Казахстана общаются с казахами. Всего 75,2 % респондентов отметили их в качестве соседей, 81,0 % — в качестве друзей и 63,3 % — в качестве коллег по работе и учебе. Выявлена следующая тенденция при сопоставлении процентных данных от возраста респондентов: с увеличением возраста респондентов растет число лиц, предпочитающих общение с лицами своей национальности. При сравнении полученных данных по полу различия выявлено не было. На территории Северного Казахстана выше процент лиц, отметивших казахов в качестве соседей, друзей, коллег по работе и учебе. Мы объясняем это численным преобладанием казахов среди других этносов Северного Казахстана.

Другой национальностью, с которой больше всего общаются респонденты Западной Сибири, являются русские, их отметили 78,8 % респондентов. Они также преобладают среди других отмеченных респондентами национальностей при ответе на вопрос: «Какой национальности ваши соседи, друзья, коллеги по работе и учебе». 70,6 % опрошенных выделили их в качестве соседей, 51,6 % — в качестве друзей, 57,3 % — в качестве коллег по работе и учебе. Наряду с этим

русских считают национальностью, находящейся ближе всего к казахам. Например, так считают 24,9 % респондентов. На территории Северного Казахстана, так же как и на территории Западной Сибири, наблюдается высокий процент показателя общения с русскими. Например, 51,3 % респондентов отметили, что общаются с русскими; 45,3 % респондентов отметили русских в качестве соседей, 32,5 % — в качестве друзей, 45,1 % — в качестве коллег по работе и учебе и 32,3 % респондентов считают русских национальностью, ближе всего находящейся к казахам. Поскольку русские — это этнос, численно преобладающий на территории Западной Сибири, соответственно процентный показатель общения с русскими на территории Западной Сибири оказался выше, чем на территории Северного Казахстана.

На третьем месте после русских идут татары. Всего 22,0 % респондентов Западной Сибири и 17,3 % респондентов Северного Казахстана отметили, что общаются с татарами. На четвертом месте представлены украинцы. С ними общаются 11,8 % респондентов Западной Сибири и 9,3 % респондентов Северного Казахстана. Поскольку исследуемая нами территория является полиэтнической, мы отметили наиболее многочисленные этносы, с которыми общаются респонденты: казахи, русские, татары, украинцы. Остальные национальности мы обозначили как «другие». На территории Западной Сибири 1 % респондентов отметили общение с «другими» национальностями; на территории Северного Казахстана ответ на данный вопрос составил 14,4 %.

Русские и казахи — два этноса, имеющие многовековой опыт добрососедства. Как известно, в ходе общения происходит обмен опытом, заимствования одного народа у другого. Приведем примеры заимствований, для которых характерны высокие процентные показатели. На вопрос: «Как Вам кажется, проживая долгое время в тесном соседстве с русскими, казахи что-нибудь переняли у них?», мы получили следующие варианты ответов: кухня, земледелие, алкоголь, традиции. Приведем примеры заимствований, на которые было получено наибольшее количество ответов. Всего 23,6 % респондентов Западной Сибири и 8,2 % респондентов Северного Казахстана назвали земледелие; 17,0 % респондентов Западной Сибири и 18,8 % респондентов Северного Казахстана — традиции; 11,4 % респондентов Западной Сибири и 5,3 % респондентов Северного Казахстана — русский язык. Следует отметить, что при ответе на данный вопрос часть респондентов затруднилась назвать за-

имствования. Затруднились ответить на данный вопрос 21,3 % респондентов Западной Сибири и 47,7 % респондентов Северного Казахстана.

Далее респондентам был предложен вопрос: «Как Вам кажется, проживая долгое время в тесном соседстве с казахами, русские что-нибудь переняли у них?», респонденты назвали следующее: кухня, скотоводство, традиции, гостеприимство. Приведем примеры, на которые было получено наибольшее количество ответов. Всего 35,1 % респондентов Западной Сибири и 5,1 % респондентов Северного Казахстана указали кухню. Гостеприимность назвали 3,9 % респондентов Западной Сибири и 6,6 % респондентов Северного Казахстана. Традиции в качестве заимствования указали 5,9 % респондентов Западной Сибири и 25,8 % респондентов Северного Казахстана. Затруднились с ответом 39,0 % респондентов Западной Сибири и 45,7 % респондентов Северного Казахстана.

При ответе на вопрос: «Люди какой национальности наиболее близки к казахам», 58,9 % респондентов Западной Сибири и 48,7 % респондентов Северного Казахстана назвали кыргызов, узбеков, туркмен, татар. Мы объединили указанные народы под термином «тюркоязычные». Согласно данным предыдущего этносоциологического опроса 1991 – 1993 гг., национальностями, близкими к казахам, респондентами также были названы татары, узбеки, киргизы, «мусульмане», «тюркские народы» [1]. Далее идут русские, выше мы приводили данные по этому этносу. На третьем месте респонденты указали немцев. Полученные нами данные по немцам составили 11,5 % на территории Западной Сибири и 9,4 % на территории Северного Казахстана. Следует отметить, что респонденты с большой теплотой отзывались о представителях немецкой национальности. Информаторы отмечали: «Многие немцы знают казахский язык, с уважением относятся к нашим обычаям и традициям, стараются быть ближе к нам».

При ответе на вопрос: «Люди какой национальности наиболее далеки от казахов», 46,0 % респондентов Западной Сибири назвали «другие национальности». Данные, полученные на территории Северного Казахстана, схожи с данными, полученными на территории Западной Сибири. Всего 74,3 % респондентов указали «другие национальности». В качестве «других национальностей» информаторы перечислили американцев, афроамериканцев, французов, грузин. Таким образом, нами были записаны те национальности, с которыми респонденты не сталкиваются в ходе своего общения. На втором месте указаны русские. Так считают 26,5 % респондентов Западной Сибири и 12,4 % респондентов Северного Казахстана. Далее следуют немцы. Их назвали 18,1 % респондентов Западной Сибири и 8,1 % респондентов Северного Казахстана. Следует отметить, что в данном случае речь идет не о «наших немцах» (слова информаторов), а о немцах, проживающих в Германии. При ответе на вопросы: «Как Вы считаете, проживая долгое время в тесном соседстве, казахи и русские заимствовали что-нибудь друг у друга?»; «Люди какой национальности ближе всего к казахам; дальше всего от казахов» респонденты испытывали затруднения. В частных беседах информаторы отмечали, что в настоящее время все национальности схожи и различий между ними нет.

Характеризуя национальные особенности казахов, русских, татар, немцев, респонденты Западной Сибири назвали уже сложившиеся определенные стереотипы национальностей. Следует отметить, что в автостереотипах и гетеростереотипах преобладают

положительные характеристики. В качестве особенностей казахской национальности респонденты в основном считают гостеприимность 46,7 %, доброту 22,8 %, сплоченность 15,5 %. У русских были выделены следующие особенности: трудолюбие 6,7 %, доброта 11,8 %, гостеприимность 8,3 %. Особенности татар назвали хитрость 19,7 %, жадность 3,1 %. Для немцев считают характерными аккуратность 25,6 %, пунктуальность 10,3 %. Респонденты Северного Казахстана в качестве особенностей казахов назвали гостеприимность 36,6 %, доброту 16,5 %. Русских охарактеризовали следующим образом: трудолюбивые 3,5 %, добрые 14,5, веселые 3,7 %. Татар считают хитрыми 19,1 %, жадными 7,2 %. Немцев считают аккуратными 13,6 %, пунктуальными 10,3 %. В ходе работы над данным вопросом мы столкнулись с негативным отношением со стороны респондентов. Часть информаторов не желала отвечать на данный вопрос, называя его «некорректным, провокационным, разжигающим национальную вражду». Существует разница в ответах мужчин и женщин. Например, мы не выявили колебания процентных данных при характеристике этносов мужчинами. В ответах женщин наблюдается следующая ситуация: процентный показатель, характеризующий казахов, значительно превышает процентные показатели, характеризующие остальные этносы.

Отвечая на вопрос: «Чью сторону вы займете при межнациональном конфликте, споре», 45,9 % респондентов Западной Сибири и 51,7 % респондентов Северного Казахстана отметили, что займут сторону своей национальности. Наряду с этим, высокий процент респондентов, отметивших «буду, объективен». Данный вариант ответа отметили 32,5 % респондентов Западной Сибири и 28,4 % респондентов Северного Казахстана. Сравнивая полученные данные по полу, мы выявили различия в ответах на вопрос у мужчин и женщин. Доля мужчин преобладает при ответе: займу сторону своей национальности, для женщин более характерны ответы: буду нейтрален, буду объективен. Мы попытались выяснить причину, которая побуждает респондентов отмечать ответ — «займу сторону своей национальности». В ответ услышали следующее: «Когда идет скандал или происходит драка, некогда разбираться, кто прав, а кто виноват. Сначала подеремся, потом будем разбираться». Таким образом, в данном случае действует принцип: «Наших людей бьют», но он не является интолерантным, поскольку этнически не выражен.

Отвечая на вопрос: «Чью сторону вы займете при межнациональном конфликте, споре», 45,7 % респондентов г. Омска и 43,9 % респондентов г. Кокшетау отметили, что займут сторону своей национальности. Наряду с этим, высокий процент респондентов, отметивших «буду объективен». Данный вариант ответа отметили 28,5 % респондентов г. Омска и 33,3 % респондентов г. Кокшетау. Сравнивая полученные данные по полу, мы выявили различия в ответах на вопрос у мужчин и женщин. Доля мужчин преобладает при ответе: займу сторону своей национальности, для женщин более характерны ответы: буду нейтрален, буду объективен.

Отвечая на вопрос: «Чью сторону вы займете при межнациональном конфликте, споре?», 46,4 % респондентов сельской местности Западной Сибири и 61,5 % респондентов сельской местности Северного Казахстана отметили, что займут сторону своей национальности. Наряду с этим высокий процент респондентов, отметивших «буду объективен». Данный вариант ответа отметили 36,5 % респондентов сель-

ской местности Западной Сибири и 22,2 % респондентов сельской местности Северного Казахстана. Наблюдается сохранение выявленной тенденции по полу. Доля мужчин превышает долю женщин при ответе: «займу сторону своей национальности», доля женщин превышает долю мужчин при ответе: «буду нейтрален», «буду объективен».

В заключение необходимо отметить, что общение респондентов как на территории Западной Сибири, так и на территории Северного Казахстана в основном происходит с лицами своей национальности. В Северном Казахстане выше процент лиц, отметивших казахов в качестве соседей, друзей, коллег по работе и учебе и ниже процентный показатель общения с русскими. Мы объясняем это численным преобладанием казахов среди других этносов Северного Казахстана. На втором месте следуют русские, затем татары и украинцы. Доля остальных этносов в процентном соотношении невелика. В сравнении с данными предыдущего этносоциологического опроса наблюдается низкий процент показателя по общению с немцами. Мы объясняем это эмиграцией немецкого населения на историческую родину и, соответственно, численным снижением данного этноса на исследуемой территории. Следует отметить, что русские указаны как этнос, наиболее близкий к казахам и наиболее далекий от казахов. Информаторы объясняли это следующим образом: «Мы живем по соседству с русскими, работаем с ними, дружим и справляем праздники. Поэтому русские находятся ближе всего к казахам. Но есть русские, которые высокомерно относятся к казахам, считают, что мы хуже их».

В ходе анализа выявлены схожие тенденции национальных установок в исследуемых регионах. С увеличением возраста респондентов наблюдается рост процентного показателя общения с представителями своей национальности. Исключение составили данные, полученные при опросе казахского населения г. Омска. Процентный показатель общения респондентов как с казахами, так и с русскими находится на одном уровне. В г. Омске получен наименьший процентный показатель близости русских к казахам. Наряду с этим показатель, характеризующий русских, как национальность, находящуюся дальше всего от казахов, выше в г. Омске. В других регионах данные, полученные при ответе на этот вопрос, оказались значительно выше. Для женщин больше характерно общение с представителями своей национальности. Существует разница в ответах мужчин и женщин. Например, мы не выявили колебания процентных данных при характеристике этносов мужчинами. В ответах женщин наблюдается следующая ситуация: процентный показатель, характеризующий казахов, значительно превышает процент-

ные показатели, характеризующие остальные этносы. При ответе на вопросы: «Как Вы считаете, проживая долгое время в тесном соседстве, казахи и русские заимствовали что-нибудь друг у друга?»; «Люди какой национальности ближе всего к казахам; дальше всего от казахов» респонденты испытывали затруднения. В частных беседах информаторы отмечали, что в настоящее время все национальности схожи и различий между ними нет. Например, огородничество, русскую баню многие информаторы уже не считают заимствованием казахов у русских, а считают это элементами своей культуры. При ответе на вопрос: «Люди какой национальности наиболее далеки от казахов» информаторы называли американцев, афроамериканцев, французов, грузин. Таким образом, были названы национальности, не знакомые респондентам. Следует отметить, что в ходе работы над данным вопросом мы столкнулись с негативным отношением со стороны респондентов. Часть информаторов не желала отвечать на данный вопрос, называя его «некорректным, провокационным, разжигающим национальную вражду». Также тяжело было получить ответ на вопрос: «Назовите особенности русских, казахов, татар, немцев». Одни респонденты воспринимали его негативно, считая, что от них требуют отрицательные отзывы, другие не могли охарактеризовать предложенные национальности, поскольку считают, что качества человека не зависят от его национальной принадлежности. В ходе работы респонденты отвечали следующим образом: «В каждой нации есть хорошие и плохие люди. Нет плохих и хороших наций, все зависит от самого человека. Мы дружим с теми людьми, с которыми вместе живем и работаем, с которыми нам интересно, а не потому, что они казахи, русские».

Таким образом, мы считаем, что национальные установки казахов исследуемой территории можно охарактеризовать как толерантные. Для казахов исследуемой территории характерна биидентичность, так как данный регион в этническом плане является полиэтническим, что способствует формированию положительных гетеростереотипов.

Библиографический список

1. Ахметова Ш.К. Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде. / Ш. К. Ахметова. — Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 2002. — С. 51.

САРСАМБЕКОВА Арна Сапаркалиевна, старший преподаватель.

Статья поступила в редакцию 30.07.07 г.

© А. С. Сарсамбекова